

Августа 19 (1 сентября)

Священноисповедник
Николай (Лебедев)

Священноисповедник Николай родился в 1869 году в селе Бережай Бежецкого уезда Тверской губернии в семье пономаря Василия Васильевича Лебедева и его супруги Елисаветы Косминовны. Николай поступил в Бежецкое духовное училище, когда отец скончался, и мальчику пришлось столкнуться с горькой участью сиротского детства при бедной вдове- матери. Естественно, что это сказывалось в недостаточном присмотре за детьми. Спустя несколько десятилетий, размышляя над тем, насколько трудно бывает бороться с образовавшейся привычкой, когда она уже прочно укоренилась в человеке, отец Николай вспоминал о времени своего обучения в Бежецком училище: «С лишком тридцать лет прошло с тех пор, но я хорошо помню этот случай из моей юности, как будто это только вчера произошло. Я учился тогда во втором классе Бежецкого духовного училища, стоял на квартире (общежития при училище тогда еще не было). Товарищи на квартире были всякие, были и такие, которые и табачок покуривали, и водочку исправно попивали. И в этом видели какое-то молодечество и тем давали понять другим, что они уже "не маленькие".

Училищное начальство тогда строже относилось к курильщикам, а не то, что теперь (теперь ученики учебных заведений курят чуть не на глазах своих преподавателей и своего начальства, и начальство старается как бы не замечать этого), а тогда за курение строгое начальство преследовало, поэтому курили обыкновенно только в ватерклозетах да в потаенных местах, и то не без опаски: бывали случаи, когда смотритель училища делал облаву на курильщиков и обнюхивал подозрительных, поэтому любители курнуть запасались обыкновенно чесноком, лимонными корками, которыми старались заедать и уничтожать запах табака. Ну, на квартирах-то курили посвободнее...



*Богородицерождественский храм с. Бережай.
Современное фото*

Нас, приготовишек и первоклассников, сильно потягивало к табачку уже по тому одному, что запрещенный плод всегда кажется сладким, а к этому еще

присоединялось и естественное желание показать себя уже большим, взрослым и доказать всем, что и мы умеем не с меньшей важностью, чем старшие, держать папироску в руках и так же пускать красивые синеватые колечки дыма... Но открыто покуривать всё-таки и на квартире боялись. Помню, нас отпустили на Пасху. Пасха была поздняя, дорога уже разорилась. Домой приходилось идти пешком и верст за сорок, иначе пробраться было нельзя – мешали разлившиеся реки и ручьи.



Бежецкое духовное училище. Фото начала XX века

Да притом я рос сиротой, без отца, провожать меня было некому. Одиночество в дороге, и притом такой дальней, меня как будто пугало. Вот и явилась у меня блажная мысль (лукавый мне ее тогда внушил): дай-ка, куплю себе на дорогу папирос десятка два-три, всё с ними будет веселее. Сказано – сделано. Собрал последние гроши, что старуха мать прислала мне на дорогу, и купил на них три десятка папирос и спичек. Это были первые свои папиросы юного курильщика.

Итак, с запретным плодом в кармане я пустился в путь-дорогу. Идя по городу, я всё-таки боялся открыто вкусить запрещенного плода и как-то стеснялся показать, что я уже не маленький и не хуже других умею держать папироску в зубах. Я считался ведь мальчиком благовоспитанным и был на хорошем счету у начальства. Очевидно, добрые навыки еще брали верх над дурными поползновениями. Но за городом я уже почувствовал себя совершенно свободным. Здесь уже мне не могло грозить бдительное око начальства.

Помню, погода стояла чудная, весенняя. Солнышко ярко светило, в воздухе было тепло, весело журчали пробудившиеся ручейки и шумно выражали свою радость, что им удалось наконец вырваться из-под ледяных своих оков. Земля по местам уже оголилась. В лазоревой выси слышалась песня жаворонка – первого гостя весны.

Необычайный восторг овладел мной.

Как хотелось здесь, на просторе, вдали от шумного и душного города, полной грудью дышать этим свежим, опьяняющим воздухом... Но великое искушение в виде пачек папирос находилось у меня в кармане. Теперь уже ничто не могло мне мешать отдаться запретному наслаждению... Папироска была вынута и закурена... Неприятный запах табачного дыма пахнул мне в лицо, но я пересилил это первое неприятное ощущение и продолжал курить, но удовольствия и дальше никакого не испытывалось. Напротив – во рту страшно саднило от горечи, противный запах табачного дыма,

казалось, плотной стеной окутывал меня всего, в глазах пошли зеленые круги, страшно болела голова, тошнило...

Той душевной радости, того восторженного настроения, какое испытывал я перед этим, как не бывало, исчезло куда-то. Я старался себя уверять, что это с непривычки, потом такого тяжелого состояния не будет испытываться. Через минут двадцать была закурена вторая папироска, и опять пришлось пережить то же неприятное чувство, как и при первой; то же самое повторилось и с третьей, четвертой, пятой и т.д. Как-то худо привыкалось...

Невольно как-то в голову приходили такие мысли: для чего же люди курят?!

Для удовольствия?!

Да его и не получается. Сосет человек конфету, так во рту делается сладко, человек испытывает чувство приятного. А вот папиросу когда сосет – совсем другое получается: и во рту саднит от горечи, и голова кружится, и в глазах темнеет... А для чего же заставлять себя переживать такое неприятное состояние? Нет, лучше не курить тогда и не начинать курить...

Тотчас же оставшиеся у меня папиросы были смяты и все брошены на дорогу как ненужный хлам.

И тут же я дал себе слово – никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах больше не брать в руки папиросы.

И слово это свято держу до сих пор. И сейчас мне непонятным становится, для чего люди курят и добровольно заставляют себя испытывать неприятные ощущения, ненужные муки.

Может быть, это делается для здоровья?

Но я до сих пор не встречал ни одного такого шарлатана науки, который бы осмеливался доказывать пользу табакокурения для человеческого организма, для здоровья. Скажут, что в силу привычки люди курят.

Вот и нужно принимать своевременно все возможные меры к тому, чтобы такой дурной привычки не создавалось у человека. Если бы я вовремя себя не остановил, не бросил курить, поборол бы на первых порах неприятные чувства, и у меня бы могла создаться дурная привычка, от которой потом трудно было бы отставать».

Окончив духовное училище, Николай поступил в Тверскую духовную семинарию. Как выходец из бедной семьи, он обучался за казенный счет и окончил семинарию в 1893 году лучшим учеником. Начальство сразу же предложило ему, как одному из лучших учеников и возможных в будущем перспективных церковных деятелей, продолжить образование (также за казенный счет) в духовной академии, но Николай отказался от этого предложения и 3 июля 1893 года поступил псаломщиком в Богородицерождественский храм в селе Бережай, где он родился и где служил когда-то пономарем его отец. Здесь он прослужил полгода. 2 февраля 1894 года он был рукоположен во священника к церкви в селе Красный Холм Зубцовского уезда, где служил в то время священник Иоанн Никольский. Незадолго до этого, 20 января, отца Иоанна перевели в храм Казанской иконы Божией Матери в село Власьево, расположенное в нескольких верстах от Твери. Отец Иоанн написал прошение, чтобы его оставили в Красном Холме. Того же просили и прихожане. Им пошли навстречу, и в храм Казанской иконы Божией Матери был назначен священник Николай Лебедев. В этом храме отец Николай прослужил впоследствии всю свою жизнь.

Село Власьево – одно из стариннейших сел Тверской губернии. Первое письменное упоминание о нем относится к середине XVII века. Здесь в то время был деревянный храм в честь святителя Николая чудотворца. Прихожанами храма были семьи местных землевладельцев – Бабарыкиных и Угрюмовых – и жившие в ближайшей округе крестьяне. Во время польско-литовского нашествия вся эта местность попала в зону военных действий, население разошлось, храм опустел, богослужения прекратились, и в конце концов храм разрушился. Около пятидесяти лет затем в селе не было храма. И наконец в 1732 году жители села обратились к архиепископу Тверскому Феофилакту (Лопатинскому) с просьбой благословить их на строительство нового деревянного храма во имя Казанской иконы Божией Матери, которая явилась столь явной заступницей русского народа в смутное время. Храм был выстроен, но через некоторое время вновь пришел в такое состояние, что совершать богослужения в нем стало невозможно. В 1779 году жившая в селе Власьево помещица получила разрешение епископа Тверского Арсения (Верещагина) на строительство каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери с приделом святителя Николая чудотворца. Началось строительство, и в 1781 году придел во имя святителя Николая чудотворца был освящен, но затем строительство затянулось почти на двадцать лет, так как сама благотворительница уехала из Власьева, а ее зять, которому оно было поручено, деньги, предназначенные для строительства, растратил. В результате храм был полностью выстроен и освящен лишь в 1799 году.



Тверская духовная семинария. Фото начала XX века

Сразу же после начала в 1894 году служения в Казанском храме отец Николай стал принимать деятельные меры по воспитанию прихожан в духе Православной Церкви и нравственности, по искоренению пороков и христианскому и всяческому просвещению. Первым из прихожан, с кем подружился отец Николай на месте своего служения, был крестьянин из деревни Никифоровской Матвей Андреевич Ловягин. Он сразу же произвел на отца Николая впечатление человека умного, серьезного, честного и хозяйственного. Все годы Матвей Андреевич был представителем при церковном старосте, два года перед своей кончиной исполнял обязанности старосты в имени Морозова. Он пользовался уважением в округе, был вполне обеспечен, у него была небольшая пасека, сад, он выстроил себе новый дом, который своим размером, железной крышей и затейливыми украшениями резко выделялся среди других

деревенских построек. У них с супругой был один сын, который служил в артели в Одессе и по своему материальному положению был вполне благополучен. Одна беда была в семье – это запои не только главы семьи, но и его супруги, которую спаивали соседки-шинкарки¹. Борясь с этим и спасая жену от шинкарок, Матвей Андреевич, бывало, запирали ее в подвале и держал до тех пор, пока она не приходила в трезвое состояние. И сам Матвей Андреевич, когда у него начинался запой, терял всякий человеческий облик, становясь колобродом, не разбирающим ни места, ни общества, ни времени. Тогда его обступали многочисленные «друзья», которые охотно за его счет упивались. В последние годы перед его кончиной эти запои становились всё чаще, и, несмотря на все усилия и с его стороны, и со стороны отца Николая, шинкари, ревниво стерегшие свою жертву и не выпускавшие ее из своих цепких рук, не давали даже самой возможности ему протрезвиться и опомниться. В конце концов скончалась супруга Матвея Андреевича, а затем при трагических обстоятельствах скончался он сам. Намереваясь протрезвиться и хоть как-то прийти в себя, он пошел на речку, которая из-за ранних холодов стала уже покрываться льдом, простудился, серьезно заболел и попал в больницу и 5 октября 1910 года в больнице скончался.



*Храм Казанской иконы Божией Матери в селе Власьево.
Современное фото*

Отцу Николаю пришлось хоронить покойного. Гроб окружили родные и знакомые, а также и все местные шинкарки, которые пришли «отдать последнее целование умершему». Слышались вздохи, громкие причитания, слезы. Вся эта пронизанная лицемерием обстановка до глубины души возмутила священника, и он обратился к присутствующим с грозным обличительным словом. «Тяжело становится на душе при виде этого безвременного гроба, при мысли, что нашего Матвея Андреева уже не стало; смерть его так неожиданна для всех – и для соседей, и для родных покойного, да и сам покойный меньше всего думал о смерти. Что же так

¹ Шинкарство – незаконное изготовление и хранение спиртных напитков, а также торговля ими; шинкарь, шинкарка – содержатель шинка, лицо, занимающееся шинкарством.

преждевременно, так неожиданно свело Матвея Андреева в сырую могилу? Вчера, когда я пришел в дом покойного для выноса тела его, слышались голоса: "Вот зарезали, батюшка, человека-то". <...> Да, православные, пожалуй что и зарезали, но только не там, не в больнице, не чужие люди, а здесь и свои же, близкие люди, свои же соседи. Ведь всем нам хорошо известно, отчего собственно умер Матвей Андреев – от вина, от пьянства окаянного; от вина погибла недавно и Авдотья Васильева (жена покойного). <...> Я вижу, что вам очень жаль покойного, на лицах ваших видно горе, видны непритворные слезы, слышатся горькие причитанья. <...> Где же вы были раньше, что же вы не жалели его тогда, когда он был жив? <...> Вы хорошо знали, как покойный в последнее время систематически и безжалостно спаивался, видели, как рука своего же соседа, в целях проклятой наживы, подносила покойному тот страшный яд, ту проклятую отраву, что зовется вином, и вы ничего не сделали, чтобы остановить это отравление человека, вы никогда не решались сказать этим убийцам: прочь, не смейте продолжать свое гнусное, подлое дело... <...> Сколько раз я вам говорил и предупреждал: берегитесь вина, гоните из своей деревни шинки: много горя, много слёз принесут они вам и вашим семьям, они разорят вашу деревню; сколько раз я убеждал вас вооружиться против страшного врага русского народа – пьянства окаянного – и чем же вы платили мне за эти горячие призывы, за это желание спасти вас и ваших детей от тлетворного влияния шинков? – презрительным молчанием, насмешками, а иногда и озорством над моим имуществом. Вы мне предоставляли право болеть душой за гибель ваших душ, за разорение ваших хозяйств, за слёзы ваших жен и детей. Вы за мной одним признавали исключительное право бороться одиноко против той страшной гидры, что губит нашу Русскую землю, наш русский народ, – против пьянства проклятого, против шинков, и на почве этой борьбы приобретать себе новых и заклятых врагов, а сами оставались совершенно в стороне от этой борьбы, не принимая в ней никакого участия. <...> Среди родных, близких и соседей покойного, тесным кольцом окружающих гроб его, среди проливающих горькие слезы по умершем я вижу и самих убийц покойного, я вижу тех шинкарок, которые сознательно, безжалостно спаивали несчастного, которые подносили ему, насильно давали ему ту страшную отраву, что зовется вином, от которой и погиб покойный, и теперь они прикрываются чувством сожаления, скорби об умершем и вместе с родными проливают по нему притворные слезы. <...> Вы при жизни покойного были так жестоки, так беспощадны к нему, вы не давали ему, живому, покоя – оставьте его хоть мертвого-то в покое, не тревожьте его праха, не оскорбляйте этих священных минут последнего прощания родных и близких людей с бренными останками дорогого им человека. Отойдите от гроба, уйдите отсюда; вы видите, что руки ваши в крови покойного... Сколько раз я вам вот с этого священного места говорил, что грешно, страшно грешно спаивать человека, подло, нечестно пользоваться его слабостью, несчастьем ближнего и на нем строить свое счастье. <...>

Тяжело мне, пастырю, говорить вам, своей пастве, такие жестокие слова, но еще тяжелее видеть, как хищные волки врываются в мое словесное стадо и губят, расхищают моих овец; тяжело видеть, как мои пасомые, мои прихожане, отуманенные страстью вина, руководимые проклятой жаждой наживы, забывают и стыд и честь, и смерть и Страшный суд, губят и тело и душу свою... Что меня еще и особенно печалит при виде этого гроба, так это то обстоятельство, что покойный умер, к смерти не

приготовившись, о ней совсем не думая, умер в тяжелом грехе перед Богом и перед Царицей Небесной. Ведь ни для кого из вас не тайна, что Матвей Андреев записался в общество трезвости, дал обет пред Божией Матерью не пить вина и этого обета не сдержал, данную им клятву нарушил и в грехе этом не покался, так и умер. Ложная ли стыдливость, обычное ли русское "еще успею" не позволили покойному своевременно раскаяться в своем грехе <...>. Мне хочется предупредить вас всех, живых, чтобы вы не вступали на тот скользкий путь, на котором погиб умерший. Однажды, говорится в Евангелии, *пришли к Иисусу некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13: 1-5). Да, и я скажу вам: если вы, православные, не покаетесь, не перестанете пьянствовать, не будете бороться с этими шинками – и вы скоро можете погибнуть, погибнуть так же неожиданно, так же глупо и позорно, как глупо и позорно погиб и покойный собрат наш, Матвей Андреев. Имеющие уши слышать, да слышат».



Священник Николай Лебедев

В 1894 году, когда отец Николай поселился во Власьево, здесь было два кабака, две пивных, мелочная лавка и ни одной школы; дети оставались неграмотными, так

как, попросту говоря, негде было учиться. Народ костенел в невежестве, предавался пьянству, а вместе с этим крестьянские хозяйства нищали, росла бедность и преступность. Бедняцкая часть населения была в кабале у местного кулака отставного унтер-офицера Федора Алексеевича Баскакова, который в деревне Пасынково имел кабаки и мелочную лавку и под большие проценты ссужал бедняков семенами, овсом, товарами из своей лавки и в своем кабаке иногда в долг спаивал народ. К нему приносили под заклад сруби, одежду и крестьянскую утварь. От такого порядка вещей в особенности страдали женщины, мужья которых систематически пьянствовали, разорялись семьи, и в домах появлялся неотвратимый признак нищеты. Отец Николай, увидев, сколь отчаянно было положение его прихожан, решил всеми силами бороться с непроглядным мраком тогдашней деревенской жизни и во что бы то ни стало вывести из него народ.

Для осуществления этой задачи нужна была правильно организованная и имеющая свое помещение школа. И в 1894 году отец Николай взял у земства заем в 800 рублей и приступил к ее строительству. Нанятый для строительства школы подрядчик через некоторое время стал открыто пренебрегать своими обязанностями, так как страдал от страсти винопития, и в конце концов, не достроив школы, сбежал. Перед своим бегством он набрал из лавки Федора Баскакова товаров, обещая отдать деньги, когда окончит работу по строительству. Работу он не кончил и, прежде чем сбежать, заявил Баскакову, что расплачиваться теперь должен священник Николай Лебедев. Баскаков, воспользовавшись этим, подал на отца Николая жалобу архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве (Тихомирову), обвинив священника в том, что он лишил его права распоряжаться ссудой, данной на строительство здания земской школы, а также потребовал от священника уплаты за товар, который забирал для себя подрядчик. Ни одно из обвинений ничем не было подтверждено. Отец Николай аргументировано ответил по каждому пункту обвинения, ясно показав, что дело уже идет о клевете на него. И дело было прекращено.

Построив в селе Власьево земскую школу, отец Николай добился закрытия кабаков и пивных. Это было непросто, так как требовалось на это согласие всего крестьянского общества, а было уже немало тех, кто привык ко греху и уже не желал или не мог с ним расстаться. И священник поставил крестьянам ультиматум: если они не согласятся закрыть у себя кабаки, то он вовсе уйдет из прихода. Авторитет отца Николая был в это время уже очень высок, и крестьяне дали согласие закрыть кабаки и пивные и впредь их у себя не открывать.

Но на практике закрыть кабаки было непросто: это потребовало от священника большого терпения, упорства и даже изобретательности в достижении цели. В деревне Пасынково, входящей в приход отца Николая, крестьяне уже заключили договор с кабатчицей об открытии кабака. Воспользовавшись престольным праздником Казанской иконы Божией Матери, когда на него 8 июля собралось много народа, и не только его прихожан, но и из других приходов, отец Николай после Божественной литургии обратился к ним с проповедью. Он красочно рассказал о последствиях пьянства, о том, насколько не соответствует высокое воспитывающее влияние храма и божественных служб развращающему душу влиянию кабака, с неизбежно связанным с ним пьянством. Отец Николай постарался убедить слушателей, что с открытием кабака они ничего не приобретут, а потеряют очень многое. В заключение он заявил,

что, поскольку крестьяне затеяли недоброе дело, разрешив у себя открыть кабак, то с иконой по домам прихожан этой деревни он ходить не будет и изменит это решение только тогда, когда общество даст письменное обязательство, что закроет кабак.

Вечером к священнику явилась депутация из пяти религиозных и трезвенных прихожан, которые заявили, что они хорошо отдают себе отчет, к чему может привести порок пьянства, но договариваться надо со всем обществом, а, кроме того, с кабатчицей уже заключен договор аренды, и если его расторгнуть, то придется платить большую неустойку. Отец Николай предложил, чтобы общество составило и подписало бумагу, что оно обязуется через полгода – срок, на который был составлен договор с кабатчицей, его не возобновлять. Делегаты обещали договориться с остальными крестьянами, и отец Николай сказал в ответ, что завтра приедет к ним с иконой служить молебны в домах. На следующий день крестьяне из деревни Пасынково послали за священником подводу, так что он решил, что бумага уже составлена и подписана. Отслужив молебен в доме пославшего подводу крестьянина, отец Николай спросил его:

– Ну, а приговор составили, подписали?

– Да нет, батюшка, староста, вишь, утром рано уехал в город, схлопотать-то и некому было.

– Как так? Зачем же вы приезжали тогда за мной? Я ведь сказал, что, пока приговора о закрытии кабака в моих руках не будет, до тех пор я не пойду с иконой по домам.

Священник решил отслужить молебен только в домах тех крестьян, которые приходили к нему депутатами, так как их он знал как людей трезвых и достойных, а также у некоторых вдов. Икону стали носить не по порядку, и хозяева тех домов, мимо которых проходил священник, переполошились. Особенно были обеспокоены женщины, которые стали усиленно его просить не лишать их святой иконы.

Но отец Николай не изменил своего решения, посоветовав им поспешить с составлением приговора от общины. И деревня, увидев, что священник не изменит своего решения даже в ущерб своим материальным интересам, одумалась. Пока отец Николай служил в некоторых домах молебны, приговор о невозобновлении аренды помещения под кабак был составлен, подписан и затем вручен священнику.

Когда отец Николай шел с иконой мимо кабака, его хозяйка, Евдокимова, вышла ему навстречу и стала усиленно просить его зайти в ее дом и помолиться. Отец Николай отказался. Но предусмотрительная кабатчица заранее запаслась средством, с помощью которого, как она считала, могла оказать давление на священника: она достала из кармана пакет с находившейся в нем официальной бумагой от благочинного, в которой отцу Николаю предлагалось исполнить христианское желание Евдокимовой и освятить ее помещение.

У отца Николая хотя были и хорошие отношения с благочинным, но он знал, что тот его отказу всё же обидится, но решил стоять на своем, так как исполнить желание и пойти молиться в кабак было противно его пастырским убеждениям и означило бы покривить в своей совести, пойти на компромисс и своей пастве открыто показать, что у него слово расходится с делом, в особенности если затрагиваются материальные интересы, так как многие бы тогда решили, что в кабак он пошел служить из-за корысти. И отец Николай решительно отказался исполнить просьбу Евдокимовой. Из

всех домов в деревне только кабак и остался неосвященным.

Содержательница кабака на этом не остановилась и, отправившись к благочинному, подала ему жалобу на священника. Через некоторое время отец Николай получил от благочинного распоряжение написать объяснительную записку, почему «благочестивое желание Евдокимовой о посещении ее квартиры и служении молебна не было исполнено». Отцу Николаю пришлось подробно теперь описать, какую роль играл и играет кабак в жизни прихода. Он подчеркнул, что «такие поступки Евдокимовой, как открытие кабака в православном христианском приходе, желание спаивать местное население, отвлекать его от храма Божия, от родной семьи, способствовать растлению нравов деревни и ее обнищанию, – дело не доброе и уже совсем не христианское и как-то трудно вяжется с "благочестием Евдокимовой"». Отец Николай сообщил благочинному, что Евдокимова не является его прихожанкой и служение молебна в ее доме не обязательно для него, и просил благочинного не принуждать его поступать против совести и убеждений и в подобных случаях дать возможность руководствоваться велением нравственного долга и сознанием пастырских обязанностей по отношению к приходу. Благочинный вполне удовлетворился объяснением, и отец Николай никаких предписаний более не получал.

Наступила зима, подошло время нового года, когда кончался срок аренды помещения под кабак, и не желавшая расставаться с виноторговлей Евдокимова предприняла новые меры. Сначала она сама пришла к отцу Николаю и стала уговаривать его не препятствовать работе кабака в деревне. Затем пришли две ее дочери, которые, слёзно жалуясь на свое трудное материальное положение и всячески стараясь разжалобить священника, умоляли его оставить кабак. Наконец, из деревни явилась целая депутация, которая старалась убедить отца Николая в том, что с потерей арендной платы за кабак деревня лишится статьи дохода. Отец Николай, возразив им, сказал, что кабак в деревне отнюдь не является выгодной находкой, что нужно думать о тех, для кого кабак служит соблазном. Он напомнил депутатам, что они уже дали слово священнику и своему духовному отцу о закрытии кабака и нарушение данного обещания будет некрасивым поступком. В завершение уговоров отец Николай сказал, что, если общество будет настаивать на сохранении в деревне кабака, он привлечет его к ответственности и заставит выполнить приговор, данный всем обществом, а если это не удастся, он уйдет из прихода. «Вы можете выбрать любое», – добавил отец Николай. Крестьяне ценили священника и, поставленные перед выбором – кабак или священник, заявили, что о таком выборе речи идти не может и что в таком случае они согласны остаться без кабака. Наступил новый год, крестьяне не дали кабацнице разрешения на продолжение аренды, и кабак прекратил здесь свое существование.

Одним из пагубных явлений в деревне было употребление вина на поминках и в дни поминовения усопших. Восемнадцать лет отцу Николаю пришлось бороться с этой привычкой в своем приходе, когда наконец ему удалось добиться успеха. Зная отношение священника к вину, помня его многочисленные беседы с прихожанами, проповеди и замечания во время поминальных обедов, при нем стеснялись подавать вино, но как только он уходил или поминающие знали, что священника на поминках не будет, как вино тут же выставлялось на стол. Пили за помин души усопшего, за здоровье вдовы, за детей-сирот, и в конце концов заводились разговоры, ничего общего не имеющие с поминанием почившего, и «благочестивые» гости в

благочестивом доме после поминального обеда начинали затягивать разухабистые плясовые песни.

Осенью 1912 года скончался один из прихожан отца Николая, крестьянин из деревни Никифоровской Василий Медведев, который тоже стал жертвой умелой деятельности шинкарок. Они, несмотря на то что и сам Василий хотел избавиться от пагубной привычки, и все домашние были против нее, приносили вино к нему в дом втайне от его семьи. Однажды после продолжительного запоя, не видя возможности избежать окружающих его в деревне соблазнов, он уехал из деревни с намерением лечь в больницу и, направляясь уже через больничный двор из приемного покоя в отведенную ему палату, скоропостижно скончался.

Родные привезли Василия в деревню, чтобы похоронить. Вечером к отцу Николаю пришел сын покойного, Михаил, спросить, на какой день и час можно будет назначить похороны. Сказав, что похороны будут на следующий день, священник спросил Михаила:

– А что, водку ты покупал на похороны?

– Как же! Четвертушку-другую привез, – ответил тот.

– Ну, вот что, Михаил, ты знаешь хорошо, отчего погиб твой отец: грешно и перед Богом, и губельно для души покойного твоего отца поминать его тем же ядом, той же страшной отравой, которая столько горя принесла вашей семье, так унижала при жизни твоего отца, искажала в нем образ Божий и преждевременно свела его в могилу. Ты человек рассудительный, понимаешь меня. Поклянись же мне памятью своего умершего несчастного отца, поклянись как верующий христианин, что водки на поминках не будешь подносить ни капли. Если не дашь мне сейчас же этого обещания, я решительно тебе заявляю, что хоронить твоего отца не буду: куда хочешь иди – жалуйся на меня хоть самому архиерею, а я от своего требования не отступлю. Если ты дашь обещание и его не выполнишь и водка будет у тебя на поминках, я буду смотреть на тебя как на нарушителя клятвы, и после ты за это жестоко заплатишься. Поступай как хочешь, выбирай любое, а я слов своих не изменю.

– Да я бы сам и не прочь, батюшка, я ведь не пью, но что скажут соседи – ведь смеяться начнут, осуждать меня будут, объяснять моей скупостью, прохода потом по деревне не дадут...

– Слушай, Михаил, ты человек неглупый, понимаешь, каким злом в нашей жизни является водка; ты понимаешь, как непристойно и кощунственно пьянство, особенно в такие дни, как дни погребения и христианского поминовения усопших. А что обычаи такие у нас чисто языческие существуют, так нам нужно с ними бороться, и это прямой долг не только мой как пастыря, но и всех здравомыслящих верующих христиан, и твой в том числе. А чтобы легче было сделать тебе этот шаг, объяви соседям и гостям, что я от тебя этого потребовал, а в противном случае хоронить, мол, не хотел: свали всю вину на меня. Пусть меня ругают, а дело мое правое.

Михаил дал обещание. И на другой день за литургией отец Николай сказал народу слово о трезвенной жизни, а Михаил при всех повторил данное священнику обещание. После его слов отец Николай добавил, что такие требования будут предъявляться и впредь при всех поминках. Свое обещание Михаил исполнил – и слух об ультиматуме священника быстро распространился по приходу, и всем стало ясно, что с этим требованием придется считаться каждому. В приходе, впрочем, быстро

привыкли к этому требованию и впредь уже на поминки не приносили вино.

Несмотря на все препятствия и трудности, отец Николай, продолжая противоалкогольную деятельность в приходе, решил перенести эту борьбу с недугами деревни за пределы прихода. Для большего успеха в борьбе с великим социальным злом – народным пьянством – им в 1897 году было организовано Власьевское общество трезвости, которое затем широко развило свою деятельность, открыв отделения в губернии, устраивая дешевые столовые, чайные и при них библиотеки и читальни, в которых организовывались музыкальные вечера, концерты, спектакли, чтения с картинami, ёлки, кино и другие разумные развлечения для народа, чтобы отвлечь его от пьянства. Причем библиотеки и читальни никогда не носили узко конфессионального и одностороннего характера, в них выписывались не только духовные или специальные о вреде пьянства книги и журналы, но и литература в широком смысле этого слова.

Общество трезвости во имя Казанской иконы Божией Матери было открыто 22 октября 1897 года и утверждено как официально действующее Министерством внутренних дел 28 января 1899 года и имело свой устав.

В правилах Власьевского Казанского общества трезвости, в частности, говорилось, что «цель Общества заключается в противодействии злоупотреблению спиртными напитками, употреблению бранных слов, в уменьшении разгула, в привлечении народа к более усердному и частому посещению богослужения, в заботе об украшении местного храма, в развитии и укреплении среди местного населения вообще христианских добродетелей. Общество поставляет также своей целью заботы о поднятии благосостояния местного населения»*.

Немалые усилия пришлось употребить отцу Николаю, чтобы выжить из деревни Федора Баскакова; много ему тогда пришлось пережить в борьбе с ним и с другими торговцами алкоголем. Вступая в борьбу с этим злым пороком, отец Николай и не предполагал, какое многоголовое зло из всех социальных слоев общества поднимется против него. В пьянстве были заинтересованы государственные чиновники, так как доходами от продажи алкоголя они наполняли бюджет, в пьянстве были заинтересованы акцизные ведомства как в способе своего безбедного существования, в пьянстве были заинтересованы полицейские власти и судьи, становившиеся покровителями незаконных производителей спиртных напитков – шинкарей и шинкарок, нашедших в спаивании народа легкий способ для обогащения. Постепенно они стали угрозой для самого существования окружающих. Если прямо пойти против них – они могли спалить жилище или натравить на человека и его близких пьяную хулиганствующую молодежь. Но отец Николай не боялся ни шинкарей, ни пьяниц.

Вспоминая, что и сами представители сельской власти пьянствовали, никак в этом отношении не являясь блюстителями порядка и охранителями интересов деревни, отец Николай писал: «Как-то зимой, ночью, прибегает ко мне группа детей из нашего приюта, все в снегу, запыхавшиеся, испуганные... "Что такое?" – спрашиваю. Плачущим голосом, прерывая друг друга, дети сообщают: "Пойдемте в приют поскорее, заведующая прислала за вами; там какое-то начальство пришло, только выпивши; что-то спрашивает, грозит; [заведующая] заперлась, а он требует отпереть, стучит..." Думаю, что такое, что за начальство? Бегу с детьми, прибегаю в приют и смотрю, что за начальство такое – а это староста соседней деревни, пьяный, еле на

ногах стоит, и мужик-то скромный, простой, шутник. Оказалось, шел из соседней деревни подвыпивши, оброк там собирал, в голове шумело, и взбрело пьяному-то в голову начальство из себя разыграть – вот и нагрнул в уют... Ну и пришлось пригрозить этому начальству телячьим омшаником². В другой раз то же было зимой как-то, и тоже ночью. Вышел я на улицу, слышу в соседней деревне (вполверсте от села) невообразимый шум и крики – не то горит, не то кого бьют... Пошел узнавать, в чем дело.

Прибегаю, оказывается – молодежь гуляет и безобразничает. Молодежь сейчас же, увидев меня, часть попряталась по задворкам, а часть прошла мимо меня чинно. Поговорил с ними, посовестил, иду дальше по деревне, вижу – староста посреди улицы и вдребезги пьяный. Ах ты, Господи, думаю – вот они блюстители-то порядка... Подошел я к нему, стал его усовещивать, а он одно свое твердит – "дай на полбутылки, да и только – пойду, опохмелюсь". А соседка его содержала тогда (да и теперь содержит) шинок. Как я ни бился уговорить "пьяное начальство", не смог, пришлось взять его и, как глупого, капризного ребенка, стащить в его дом и сдать жене.

"Ты что смотришь-то? Видишь – пьяно начальство, заперла бы его в дом, да и не выпускала", – говорю я жене его. "Да разве, батюшка, с ним сладишь, разве удержишь его?" – отвечает она. – "Ну, запирай теперь и смотри – не пускай". Начальство было сделало попытку отворить дверь и опять вылезть на улицу, но не смогло найти запора, так было оно пьяно, и осталось взаперти дома.

Если сельские старосты наравне с прочими обывателями деревни, во главе с пьяной молодежью являются усердными посетителями шинков, если во время сельских сходов и общественных попок, с ведома и согласия самого общества, они пользуются услугами шинкарей по доставке монопольки для "честного мира и опчества", если в роли шинкарей являются даже волостные судьи, если шинки свивают себе прочное гнездо рядом с волостными правлениями и чуть не в них самих, если волостные сходы до выборов и после выборов на те или иные общественные должности считают нужным непременно "вспрыснуть" своих избранников, если тяжущиеся стороны, пришедшие на волостной сход на разбирательство своего дела, и перед разбирательством, и после него идут заключать мировую к "волостному шинкарю", <...> если сами волостные судьи во время перерывов своих заседаний считают нужным немного "освежиться монополькой" от своих головоломных работ, – если так, то, конечно, ждать и требовать, чтобы сельская власть что-нибудь предприняла и сделала в смысле сокращения шинкарства и вообще пьянства в деревне, было бы по крайней мере наивно.

Полиция?! Но кто же не знает, что полиция в лице наших урядников не прочь сама выпить при всяком удобном случае, кто не знает, что наши урядники, наравне с обыкновенными смертными, посещают шинки (благо угощение-то даровое), пользуются услугами шинкарей и потому берут последних под свое высокое покровительство и защиту или в крайнем случае оставляют шинкарей в покое и предоставляют им право торговать водкой свободно».

В 1901 году отец Николай организовал для алкоголиков уют, а при нем мастерские: столярную, шорную, сапожную, переплетную, швейную, кузнечную и

² Омшаник – законопаченная мхом зимняя кладовая.

приусадебное сельское хозяйство для тех из них, которые не знали никакого ремесла, – при этом он отдал в приют весь свой скот и сельскохозяйственный инвентарь. В приюте проживало одновременно до сорока семи человек, работа в мастерских была сдельная, пациенты приюта получали готовый стол, одежду, обувь, а остальной заработок выдавался им при выходе из приюта. Цель приюта была – дать возможность ослабевшим, опустившимся людям освободиться от своего недуга, подняться на ноги и начать новую жизнь. Приют существовал пять лет. Множество неприятностей, тревог и забот доставили священнику эти призреваемые им алкоголики.



Приют Власьевского общества трезвости. Фото начала XX века

Несмотря на неприятности, которые отец Николай получал от своего епархиального начальства, церковная деятельность, которую он вел, тем же епархиальным начальством оценивалась столь высоко, что отчет о ней включался в ежегодные отчеты Святейшему Синоду о деятельности епархии. Сведения о деятельности отца Николая печатались и в «Тверских епархиальных ведомостях», чтобы вдохновить и других священников епархии на самоотверженный пастырский подвиг служения ближним.

Благочинный протоиерей Николай Модестов в рапорте на имя архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия (Самбикина) 3 февраля 1903 года писал: «Власьевское общество трезвенников продолжало свою деятельность, привлекая всё большее и большее число членов, которых возросло свыше 10 тысяч. При чайной этого Общества, в доме Жуковых, в кануны дней воскресных и праздничных совершаются всенощные бдения председателем Общества священником села Власьева Николаем Лебедевым; им же или под его наблюдением ведутся беседы религиозно-нравственного содержания, читаются книги такого же содержания, иллюстрируемые нередко световыми картинам³. В настоящее время это Общество, получив от Тверского губернского попечительства о народной трезвости 4 тысячи рублей, устроило приют для алкоголиков, в котором занимаются разными мастерствами давшие обет трезвости. Этот приют освящен Вашим Высокопреосвященством 22 октября 1902 года, и с этого дня начат прием и занятия трезвенников...»

В епархиальном отчете за 1904 год говорилось: «Кроме приходских

³ Диафильмами.

попечительств и братств, существует восемь обществ трезвости, из коих особенной плодотворной деятельностью отличается Власьевское общество в Тверском уезде. При этом Обществе существует шесть отделений, открытых вследствие ходатайства перед правлением Общества местных священников и местного населения, а именно: в селе Бакланове Кашинского уезда, в селе Высоком того же уезда, в селе Дмитровском и в селе Стоянце Корчевского уезда, в селе Локотцах Новоторжского уезда и в селе Белом Бежецкого уезда. Число членов Власьевского общества в отчетном году превышало 17 тысяч человек...»



Архиепископ Димитрий (Самбикин)

В 1904 году отец Николай построил вторую образцовую земскую школу в деревне Большой Перемерке. В начале своего служения в приходе ему пришлось пережить нарекания и от своего непосредственного начальства. Однажды он не взял с крестьянина плату за требы, а также дал одному из прихожан почитать стихи Некрасова. Этими действиями он возбудил против себя подозрение в неблагонадежности и был отдан под надзор благочинного. Епархиальная власть была недовольна и тем, что он в своем приходе открыл земские школы, а не церковноприходские. А его борьба с кабаками и пивными возбудила против него уже открытую ненависть и злобу, так что священнику стали открыто угрожать убийством.

Во время революционных беспорядков в 1905 году отец Николай не оставил свою паству на расхищение злым волкам – революционерам, но, узнав, что 25 ноября в селе Эммаус, расположенном неподалеку от Власьева, состоится митинг, на котором собирались присутствовать прихожане Казанского храма, он незамедлительно туда отправился.

О предстоящем митинге он узнал накануне от одного крестьянина, присланного крестьянами села Эммаус и передавшего от них просьбу, чтобы отец Николай непременно приехал на митинг и разъяснил крестьянам многое непонятное для них из того, что совершалось вокруг. Он прибыл в Эммаус около 12 часов дня, народу еще не было, и ему сообщили, что ждут ораторов из Твери. Крестьяне стали просить отца Николая, чтобы он возразил ораторам, если те будут смущать крестьян, так как сами они не сумеют, да и боятся.

Через час после приезда отца Николая стал собираться народ из окрестных деревень, явились и ораторы. Их приехало четверо: студент Н.К. Скобников⁴, сын эммаусовского священника Исполатовский, его родственник Вячеслав Покровский и четвертый, совершенно неизвестный отцу Николаю. С речами выступал только последний, остальные молчали. Речь оратор начал с того, что появление среди слушателей духовного лица его удивило, так как духовенство везде, куда приезжает, скрывается и молчит, а когда говорит, то можно слышать только такой призыв: «бей студентов, бей интеллигенцию».

Отец Николай на это возразил, сказав, что огульное обвинение духовенства несправедливо; может быть, и бывали подобные печальные случаи призыва, но большинство духовенства всегда действовало и действует в духе христианской любви, – во всяком случае, подобного призыва ни прихожане села Эммауса не слышали от

⁴ Николай Константинович Скобников (1882-1920) родился в с. Новом Тверского уезда. Отец его, Константин Матвеевич, был священником. В 1886 г. Скобниковы переехали в Эммаус. Учился в Тверской мужской гимназии. После окончания ее стал студентом медицинского отделения Московского университета. В революционные дни 1905 г. он приезжает в Эммаус. Местный пристав в донесении от 22 ноября 1905 г. писал, что в Старом Погосте состоялось собрание окрестных крестьян, на котором студент Московского университета Николай Скобников призывал крестьян не платить податей, не посылать сыновей на военную службу и уравнивать землю и капиталы. Собрание закончилось пением революционных песен, был поднят красный флаг с надписью «Свобода». В 1908 г. Скобников окончил университет. Получил направление в Корчеву, где с энтузиазмом взялся за работу. Кроме обязанностей уездного врача, Николай Константинович исполнял и обязанности городского врача. Ежемесячно проводил осмотры магазинов, складов, лавок. Приходилось за нарушения санитарных правил предупреждать торговцев, составлять протоколы, передавать дела в суд. Это не понравилось корчевским торговцам и купцам. Они возненавидели молодого врача и строчили на него доносы то губернатору, то губернскому врачебному инспектору. Наконец, это возымело действие... В ноябре 1913 г. Скобникова перемещают «для пользы службы» в самый отдаленный Весьегонский уезд. В 1917 г. его призывают на военную службу... Н.К. Скобников снова в Весьегонске. Здесь его ждала трудная борьба с эпидемиями тифа и дизентерии, вызванными разрухой, голодом, недостатком мыла, медикаментов. 15 июля 1920 г. на заседании уисполкома слушалось сообщение о бедственном положении семьи умершего врача Н. К. Скобникова. Принимая во внимание заслуги покойного врача Николая Константиновича Скобникова, отдавшего жизнь на служение народу и умершего от сыпного тифа во время эпидемии, уисполком постановил зачислить семью покойного на продовольственный паек, получаемый медицинским персоналом уезда. Эпидемия тифа косила людей в городе и уезде. В весьегонской больнице не хватало медицинского персонала, и врач Скобников неделями не покидал заразные баракы, нередко выполняя обязанности сиделки у постели тяжелобольных. Вместе с ним борьбу с тифом проводил и врач А. И. Немировский. В 1921 г. ул. Вологодская в г. Весьегонске была переименована в улицу имени Скобникова. При переносе г. Весьегонска в 1939-1941 гг. на новое место в связи с созданием Рыбинского водохранилища, название улицы им. Скобникова было сохранено (см. Кулцов Б. Ф. Весьегонск. Вехи истории: кн. 2. Тверь, 2007).

своего священника, ни прихожане отца Николая от него не слышали. Оратор, поддерживаемый своими товарищами, попытался не дать слова священнику, но крестьяне потребовали, чтобы оно ему было дано.

Исходным пунктом своей речи приезжий оратор сделал смету государственного прихода и расхода за 1904 год; он говорил о статьях расхода на войну, на содержание армии и чиновников, указывал на отсутствие школ, на обременительность налогов и тому подобное. Много говорил оратор об истории освободительного движения, о манифесте, о том, что манифест остался только на бумаге; он убеждал крестьян не верить в Государственную думу: по его мнению, народ сам должен встать во главе страны и взять в свои руки власть – эта власть не упадет с неба, народ должен завоевать ее путем борьбы. Он убеждал крестьян, что эта борьба уже началась и идет с успехом, что уже и войска в некоторых местах переходят на сторону крестьян, и в конце концов призвал народ к вооружению.

Отец Николай стал возражать оратору и указывать на извращение оратором фактов. Относительно армии отец Николай сказал, что нельзя за армией признать исключительно отрицательного значения, на какое указывает оратор. Благодаря, в частности, и армии росло и крепло Русское государство, армия играла в этом росте большое значение. Он напомнил слушателям об Отечественной войне 1812 года, когда без армии немислимы были ни слава, ни могущество России. Японская война ясно показала, какие требования сейчас предъявляются к армии и какими знаниями должен обладать солдат, – немисливо, чтобы регулярная армия могла быть заменена народной милицией.

Говоря о налогах, отец Николай заметил оратору, что виды государственных налогов не так велики, как их представил оратор, земский сбор в иных местах превышает сбор государственный. Платежи – это бремя для крестьян, и справедливое и равномерное распределение их между всем населением Русского государства есть задача, которую надо решать всем лучшим людям и самому правительству. Отец Николай сказал, что выступавший оратор потребовал, чтобы было бесплатное обучение, были повсюду школы, больницы, богадельни, страхование рабочих, помощь со стороны правительства в самом широком размере во время неурожая; было выставлено предложение требовать от правительства и того, и сего, и третьего, – да где же правительство возьмет денег? Возражая оратору, священник сказал, что прекращение платежей в настоящее время было бы преступлением перед Родиной и поставило бы ее, и без того переживающую тяжелое время и несущую большие расходы, в безвыходное положение, за которое пришлось бы расплачиваться самим же крестьянам; прекращение уплат налогов остановило бы жизнь великой монархии, какой является наше государство. Отец Николай заметил, что платить всё равно придется, только крестьяне таким неплатежом и следованием советам оратора наживут себе новые неисчислимыя беды.

Относительно утверждения оратора о бездейственности изданного государем манифеста отец Николай сказал, что никто не виноват в том, что манифест и возвещенные им свободы русские люди поняли как произвол, как свободу делать, что хочется, когда стала безобразничать молодежь. В манифесте 17 октября народ призывается к управлению Русской землей через своих выборных в Государственную думу. И наша обязанность всеми силами стараться помочь государю в его святом

намерении и выборе честных, правдивых людей, преданных Родине и государю, и облегчить его заботу о благе Российской земли.

Не оставил без замечания отец Николай и призыв оратора к вооружению. «Против кого мы будем вооружаться? – сказал он. – Неужели против лиц, исполняющих волю государя? Этот призыв я считаю верхом безумия, и лицам, призывающим к вооруженному восстанию, место не здесь, не среди нас, понимающих всю нелепость вооруженного восстания, – а в доме умалишенных. Ну, вооружайтесь, – как же посмотрит правительство на вас тогда? Конечно как на бунтовщиков и пришлет войска для усмирения. Что вы сделаете со своими ухватами, вилами, револьверами против пушек? Хотите вы устлать улицу своими трупами? Подумайте, у вас же есть дети, у вас есть жены, на кого они останутся? Врут вам, что солдаты в вас не будут стрелять. Если в некоторых местах солдаты и бунтовали, то только малая часть их, и притом под влиянием агитаторов. Вы слышали, чем кончились волнения эти в Кронштадте, Севастополе и в других местах? Всякий солдат будет служить верой и правдой помазаннику Божию, своему государю, своей отчизне, своей вере православной – за защиту их он готов проливать свою кровь». Отец Николай убеждал слушателей не верить посулам непризванных спасателей России и своей преданностью вере Христовой, своему государю, своей Родине, исполнением своих прямых обязанностей помочь государю в его трудном деле управления и оправдать то доверие, которое он оказал народу, издавая манифест.

Выслушав речь священника, агитаторы в дальнейшем отказались выступать с речами и предложили собравшимся спеть революционные песни, которые и стали затем петься под их руководством. После этого они сразу же покинули село Эммаус.

Крестьяне выразили глубокую благодарность отцу Николаю; общим их мнением было то, что ораторы потерпели неудачу и никого не убедили в правоте своих воззрений и призывов. Во Власьево ораторы уже не являлись.

В начале XX века обнищание русской деревни пошло ускоренными темпами; от безысходности положения крестьяне стали отправлять своих малолетних детей в Санкт-Петербург и другие крупные города, где те попадали в руки далеких от христианской настроенности городских мастеров, которые вместе с обучением ремеслам обучали их и различным порокам и в результате губили в них и будущих мастеров, и здоровых нравственно и физически людей. Пьянство и пороки приобрели среди народа колоссальный масштаб; всё больше стало появляться детей, не имеющих родителей или чьи родители погрязли в пороках.

Столкнувшись с массой бездомных детей, отец Николай не мог пройти мимо них; христианский пастырь, он не мог не протянуть им руку помощи и в 1907 году принял решение организовать детский приют. С этой целью он составил воззвание, которое представил архиепископу Тверскому Алексию (Опоцкому). 12 октября 1907 года архиепископ в ответ написал: «С сердечным удовольствием разделяю добрую мысль и желанное для города Твери дело призрения нищих детей. Усерднейше прошу все приходские советы, состоящие при церквях города Твери, принять участие в сем святом деле. <...> Воззвание это напечатать и в епархиальных ведомостях, и особой брошюрой...»

В воззвании отец Николай писал: «Вы, конечно, видели, читатель, на улицах нашего города нищих детей; вы слышали их обычную голодную песню, которой они

неизменно встречают и провожают всех проходящих по улицам: "Барин, подайте копеечку... Христа ради... копеечку на хлеб..." И в темный осенний вечер, когда частый осенний дождь и резкий холодный ветер пронизывают вас до костей и в теплой одежде, и в зимнюю студеную пору вы можете видеть маленькие фигурки этих несчастных, или робко прижавшихся к стене какого-нибудь дома или подъезда и тщетно пытающихся защитить от пронизывающего ветра и холода свое худенькое тело, плохо прикрытое какими-то жалкими лохмотьями, или робко протягивающих к вам свои окостеневшие от холода руки и провожающих вас своей обычной мольбой о помощи. Что же это за дети? Кто и что выгнало их из теплых домов на холод и дождь, на улицу, к безучастным иногда людям?.. Это – несчастные дети, сироты, у которых нет ни тятки, ни мамки родной, нет ни теплого родного угла, нет никого, кто бы их обул, одел, накормил, приласкал, поприсмотрел за ними; беспощадный голод и нужда выгнали их на улицу искать себе там участия среди чуждой им толпы.

Это – дети, у которых и тятка, и мамка есть, но пьют они, не работают, которые всё, что было в дому, променяли на водку, пропили всё и теперь выгнали своих детей на улицу собирать копеечки с тем, чтобы вечером пропить всё, что насобирают те за день. Бедные несчастные дети! Чем вспомнете вы свое детство? И есть ли оно у вас – то счастливое, золотое детство, воспоминания о котором дают нам отраду в минуты житейских невзгод?.. На улице – голод и холод, насмешки и брань, а дома тот же голод и холод, и вдобавок колотушки пьяного, озверелого отца, и ночной разгул, и разврат... Вечно голодных, вечно холодных, вечно бездомных, вечно гонимых теперь, что же ждет вас, бедные, потом, когда вы подрастаете?.. Угадать нетрудно. Или преждевременная темная, сырая могила, или та же безотрадная жизнь с неминуемым голодом и холодом, пьянством, развратом, болезнями... Уличные дети – это будущие бродяги, босяки, несчастные алкоголики, будущие воры, обитатели страшных ночлежных домов, домов терпимости и тюрем. Улица вытравит, выест в них всё, что дорого и свято человеческому сердцу. Прийти на помощь хоть малой горсти этих несчастных детей, накормить, обогреть их, приласкать и посмотреть за ними и тем спасти их от неминуемой страшной пропасти и ставит своей задачей открываемый Обществом детский приют.

Мы не задаемся пока слишком широкими целями, и задача наша очень скромна. Дадим пока на первых порах приют десяти таким обездоленным детям; позволят средства Общества, откликнутся на наш зов добрые люди и придут на помощь доброму делу – дело расширим, и десятки новых детей найдут себе пристанище в стенах нашего приюта. Приют будет смешанным, то есть для мальчиков и для девочек, так как и уличные девочки, по нашему убеждению, нуждаются не меньше, если еще не больше мальчиков, в приюте. На первых порах в приют будут приниматься дети школьного возраста, то есть от 7 до 12 лет. Мы не отрицаем права на приют за детьми и младшего возраста, но применять этого права сейчас не хотелось бы из той простой боязни, что присутствие малолетних может затруднить нас в правильной организации этого совершенно для нас нового дела; принимать же детей старше 12 лет мы не решаемся уже потому, что опасаемся, что дети, принятые в таком возрасте, могут иметь те или иные более или менее устойчивые дурные навыки и привычки, бороться с которыми не так-то легко, и могут оказывать вредное влияние на остальных детей приюта. Сословие и место жительства призываемых при приеме не могут иметь значения.

Принятые в приют дети могут оставаться в нем до такого возраста, когда будут в состоянии начать самостоятельную жизнь. За всё время своего пребывания в приюте дети пользуются бесплатно столом, обувью и одеждой, причем в одежде и обуви соблюдается единообразие.

Во главе приюта, кроме правления Общества, должна находиться женщина, получившая образование и опытная в воспитательном деле, которая и должна заменить этим заброшенным, несчастным детям их родную мать.

Под руководством заведующей дети и находят всё свободное от занятий время. Чем же будут заниматься дети в приюте?

Дети школьного возраста в учебное время будут ходить в местную школу, а по вечерам под руководством заведующей будут готовить уроки, свободное же время будут посвящать чтению и беседам. Дети внешкольного возраста в зимнее время будут заниматься: мальчики ремеслами: столярным, переплетным, корзиночным и тому подобным; девочки же будут учиться кройке, шитью и рукоделию. А в летнее время пусть все работают в поле, огороде, саду, на пчельнике, пусть разводят питомники, ухаживают за яблонями, разводят ягодные кусты, клубнику, цветы, пусть учатся ухаживать за скотом... пусть запасаются знаниями, в которых так нуждается наша бедная Родина, которые должны скрасить будничную, серую жизнь нашей родной деревни. Дети приюта не должны бояться никакой работы, пусть побольше привыкают к самостоятельности, пусть себя и обшивают, и обмывают, сами себе готовят пищу и сами себе служат. Все работы в саду и огороде будут производиться под руководством опытного садовника, а работы на пчельнике – под руководством пчеловода. В свободное от занятий время для более взрослых с целью пополнения их знаний будут устраиваться лекции по сельскому хозяйству, пчеловодству, садоводству и другим предметам общеобразовательного характера.

В воскресные и праздничные дни все дети обязательно ходят к богослужению, принимают участие в церковном чтении и пении.

В часы досуга и отдыха будут устраиваться для детей игры, прогулки, катанья на лодках и другие разумные развлечения.

При выходе призреваемых из приюта правление Общества заботится о приискании им подходящего места и занятий, снабжает их необходимой обувью, одеждой и платьем, а если позволят средства, то, по своему усмотрению, оказывает и денежное пособие для первоначального устройства и вообще не оставляет без своей материальной и нравственной поддержки. Подумайте, читатель, каким великим благодеянием будет для несчастных, заброшенных детей этот приют. Удалить их из трущоб и притонов, вырвать их из грязи, нищеты, лжи и разврата, перенести их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на чистый воздух, на лоно природы, с ее освежающим простором, окружить их полями и зеленью, обогреть, поприласкать их, приучить к честному, разумному труду и вообще поставить этих детей в условия, благоприятствующие физическому и духовному росту, – разве это не великое, не святое дело, разве это несбыточная мечта? Если многие думают, что спасти взрослых немислимо, то в возможности спасти детей никто не отчаивается. Если старое, кривое дерево немислимо исправить, то не дать искривиться молодому посаженному деревцу вполне зависит от того, кто за деревцем ухаживает. Если горбатого, как говорят, только могила исправит, то не дать вырасти страшному горбу у

ребенка зависит от того, кто приставлен к ребенку. Ведь в детях наше будущее, будущее нашей бедной дорогой Родины.

Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! Сжальтесь над этими бедными, заброшенными, никому не нужными теперь детьми, сжальтесь над их воплем о помощи и во имя христианской любви и милосердия к бедным и обездоленным, во имя завета нашего Спасителя, любившего детей и их благословлявшего, во имя, наконец, любви вашей к бедной Родине помогите нам хоть малую часть этих детей вытащить из той грязи и порока, среди которой они живут, помогите спасти их от этой неминуемой гибели, которая ждет этих детей, если только мы равнодушно пройдем мимо них и предоставим их самим себе; поддержите, ободрите нас в этом святом деле; чем вы скорее откликнитесь на наш зов, тем большее количество детей будет спасено. За всякую посильную жертву, идущую от сердца, мы будем благодарны, за всякую вашу лепту будут благословлять вас эти дети, будут благословлять вас наш Спаситель и Царица Небесная, заступница всех скорбящих и обездоленных...»

22 октября 1907 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, покровительницы Власьевского общества трезвости, в селе Власьево состоялось торжественное освящение и открытие приюта. Литургию совершил епископ Старицкий Александр (Головин) в сослужении всего духовенства благочиния. Один из священников, присутствовавший на торжестве, писал: «Торжественное архиерейское служение при стройном и умелом выполнении песнопений литургии хором учеников духовного училища под управлением учителя Квинтилиана Квинтилиановича Вершинского, множество молящихся – всё это производило на всех чудное, трогательное впечатление. <...> Общий вопль молитвы – молитвы горячей и пламенной был естественным выражением общего религиозного настроения. Казалось и сердцем чувствовалось, что действительно в этот час как бы Сама Царица Неба, призревшая на моление грешных рабов земли, очищала, возвышала, усиливала молитву к Царю Славы и, соединяя с молитвой грешной юдоли земной и Свою, сделала ее внутренней живой силой, которая заставляет струны сердца грешника в такие моменты звучать чистыми, высокими звуками любви к Богу и ближнему, преобразует человека духовно и, соединяя всех в одну братскую семью, союз любви и мира, храм земной делает Небом, а союз людской – Царством Божиим. В конце литургии было произнесено настоятелем храма, отцом Николаем, трогательное, сильное по мысли и чувству поучение, в котором проповедник яркими, потрясающими душу картинами изобразил историю роста и процветания Общества трезвости под покровом и заступничеством Царицы Небесной, его неимоверную борьбу за отрезвление народа и с теми темными силами, которые всегда были тормозом на пути осуществления заветной идеи – отрезвления народа и которые моментами в десятилетнее существование Общества трезвости готовы были стереть с лица земли это полезное и богоугодное дело. В конце поучения отец Николай с чувством живой веры в Провидение Божие, с глубокой благодарностью и живейшим упованием на помощь Царицы Небесной говорил об устройстве приюта и братски, любовно призывал всех поддержать его в святом и трудном деле сочувствием, доверием, молитвой об успехе дела и возможной материальной помощью. Поучение настолько было сердечно, сильно, духовно, молитвенно, что многих заставило плакать. <...> После молебна в храме совершен был крестный ход в здание, предназначенное для приюта, при

участии служившего духовенства во главе с преосвященным Александром и всех молящихся. Здесь, в зале приюта... совершенно было водоосвящение... Тут же присутствовала и та горстка бесприютных детей (семь человек), для которой предназначено здание. <...>

Дети все достаточно исковерканы и изломаны средой; видно, что жизнь – суровая и беспощадная – наложила на их духовный облик тяжелый и гнетущий отпечаток грубости, нравственной грязи и порочности». Один из питомцев был взят в приют на окраине города с чердака дома, где проживала его мать с несколькими детьми. Пришедшие увидели лежащую на полу пьяную мать и замерзающих от холода детей, которые старались согреться вокруг разведенного на старом противне огонька. Узнав о цели прихода незваных гостей, мать стала ругаться. Но всё же ребенок был взят и помещен в приют.

Спустя год приют постигло большое несчастье – пожар. Призывая помочь приютским детям, отец Николай написал в «Тверских епархиальных ведомостях»: «Устройством этого приюта хотелось прийти на помощь несчастным детям – сиротам, детям, заброшенным своими родителями, детям улицы. Спасти хоть малую горстку таких несчастных детей от голода и холода, вырвать их из тех страшных трущоб и притонов, в которых дети эти иногда ютятся, вырвать их из нищеты, часто развращенной родной семьей, взять их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на лоно природы, обогреть, приласкать, просветить их Светом Христова учения, приучить к честному, разумному труду – вот те цели, какие преследовал открываемый приют. Приют открывался без всяких средств, только с верой в помощь Царицы Небесной и добрых, отзывчивых людей. Первое время думали дать приют только 10-13 детям. Но лишь только открылись двери приюта, как пришлось столкнуться с таким беспросветным горем, с такой страшной нуждой и таким безвыходным положением некоторых просителей, что не хватало силы отказать им в помощи, и число детей в приюте скоро возросло до 32 человек (21 мальчик и 11 девочек), в возрасте от 4 до 11 лет. <...> Нелегко, конечно, было справляться с таким количеством детей, когда средства, которыми располагал приют, были так ничтожны и неопределенны, но Бог – Отец сирот и нищих и Заступница рода человеческого помогали содержать приют, и средствами к содержанию были то членские взносы вступающих в Общество трезвости, то добровольные пожертвования частных благодетелей.

Зима была прожита. С наступлением весны решено было расширить существовавшее сельское хозяйство; хотелось, чтобы дети привыкали к крестьянским работам и кормились потом трудами рук своих. Ведение сельского хозяйства первые годы, при наемных рабочих руках, может быть, и не дало бы больших результатов, но потом, когда дети приюта подросли бы и представили из себя дружную, христианскую трудовую семью, приют мог бы укрепить и раскрыть свои двери для новых пришельцев детей. Был снят в аренду огород около 4,5 десятины, засажен огурцами, капустой, устроены небольшие парники, заложен плодовой питомник, заарендованы луга, увеличена запашка в полях. На всё это затрачены были большие средства; надеялись потом вернуть эти затраты, но надеждам этим не суждено было сбыться. Вследствие неблагоприятной погоды весной и летом огород и поля принесли большие убытки. В довершение всех зол 9 сентября сего года приют постигло новое и страшное бедствие. От неосторожного обращения с огнем одного из рабочих в приюте

произошел пожар, которым уничтожено было два больших сарая с сеном и хлебом; сгорело свыше 5 тысяч пудов клевера и лучшего лугового сена, весь ржаной немолоченный хлеб от посева 54 мер и некоторые сельскохозяйственные машины (конная молотилка, веялка и тому подобное), всего на сумму 3 500 рублей. Имущество застраховано не было. Несчастье слишком большое, убытки слишком громадны и ничем не вознаградимы при настоящем тяжелом положении приюта. Надеялись с наступлением осени открыть при приюте свою школу, завести некоторые мастерства, но постигшие приют бедствия разрушили все эти планы, и теперь возникает страшный вопрос: быть или не быть приюту? Нет хлеба, нет корма для скота и свыше 2 200 рублей долгу, накопившегося по содержанию приюта в течение года.

Что же теперь делать? Закрыть приют? Но как тяжело, как мучительно больно будет учредителям и руководителям и всем, кто так или иначе заинтересован был в деле процветания приюта, видеть гибель и разрушение только что начатого дорогого для них и святого дела, в которое вложена была вся душа, которому отданы были все заботы и нравственная энергия. А потом возникает вопрос: куда же девать этих несчастных 32 человека детей, что в приюте теперь нашли себе пристанище и ласку? Кому они нужны? Неужели выгнать их опять на холод, на улицу, вернуть их в прежние места страшной бедности, порока и нравственного растления? Но этого и представить нельзя без сердечного содрогания, глубокого сожаления и слез. Что же скажет нам тогда Христос Спаситель и Его Пречистая Мать, во имя Которых и создан был приют, во имя Которых отерты и осушены были детские слезы и предпринята была столь тяжелая и серьезная борьба с детской порочностью? Не ляжет ли на всех нас, христиан, великая нравственная ответственность за небрежение, преступную холодность и постыдное равнодушие к этому великому и святому делу призрения бедных детей.

Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! К вам мы решаемся обратиться со слезной мольбой: не дайте погибнуть начатому великому и святому делу призрения бедных, брошенных детей; спасите, спасите ради Христа наш детский приют; сжальтесь над этими несчастными детьми, помогите их великому горю, помогите нашей великой беде и своими посильными лептами дайте нам возможность продолжать святое дело приюта, дело призрения и воспитания бедных нищих детей. С октября при приюте открыта церковноприходская школа. Поддержите, ободрите нас! Ваша помощь теперь так необходима нам, так дорога, без нее дело приюта погибнет. Не смущайтесь тем, что вы не можете много дать, помните, что и скудная лепта бедной вдовицы была высоко оценена Господом. С миру по нитке – голому рубашка, – говорит народная мудрость. Всякую помощь, как бы она мала ни была, мы встретим с великой благодарностью, за всякую посильную жертву, идущую от чистого сердца, будут благословлять вас эти несчастные дети, благословит вас и Сам Христос Спаситель и Царица Небесная, заступница всех скорбящих и обездоленных, и воздадут вам сторицею за ваше великое дело любви к сиротам и несчастным детям...»

14 декабря 1908 года в чайной Власьевского общества трезвости состоялось собрание членов Общества, на которое были приглашены все, выразившие сочувствие возникшему 22 октября 1907 года детскому приюту. Отец Николай Лебедев сделал доклад, в котором изложил историю и мотивы открытия детского приюта при Обществе трезвости, а также сообщил о постигших приют несчастьях и происшедшем отсюда затруднительном материальном положении. Собранию был представлен

проект изменений в уставе Власьевского общества трезвости, по которому предполагалось организовать особый попечительный совет для изыскания средств на содержание детского приюта и для заведования им совместно с Обществом трезвости. Председатель собрания, священник Мироносицкой церкви в Твери Михаил Любский, предложил составить комиссию из членов Общества трезвости и сторонних лиц, присутствовавших на собрании, и поручить ей на месте осмотреть приют, выяснить средства его содержания и после этого обсудить вопрос об образовании попечительного совета. Собрание приняло это предложение и избрало комиссию.

26 декабря 1908 года состоялось заседание епархиального съезда, на котором один из депутатов предложил прийти на помощь пострадавшему от пожара детскому приюту. По благословию архиепископа Тверского Алексия (Опоцкого) в «Тверских епархиальных ведомостях» в экстренном порядке было отпечатано воззвание о помощи с приложением подписных листов для сбора пожертвований среди духовенства и мирян.

2 февраля 1909 года комиссия из пяти человек прибыла во Власьевский детский приют для осмотра.

Детский приют размещался в обширном деревянном здании, построенном ранее для приюта алкоголиков. Здание стояло в поле, в версте от села на церковной земле. Внутри оно было разделено на две половины широким коридором, по сторонам которого расположены комнаты: классная, корзиночная мастерская, рукодельная для девочек, две спальни, столовая и кухня, квартиры заведующей, ее помощницы и псаломщика-учителя. Детей собрали в классной комнате, просторной, светлой и чистой. Всех детей – 24 мальчика и 11 девочек, в возрасте от 4 до 15 лет. Выглядели они как все деревенские дети. На некоторых был заметно выражен отпечаток порочности родителей: неправильное строение головы, бледность лица, больные глаза, следы парши. Держали они себя непринужденно, но не грубо. Под руководством псаломщика они пропели несколько церковных песнопений. В воскресные и праздничные дни дети поют в церкви на левом клиросе. Организуется церковноприходская школа, в которой пока учит псаломщик. «Мы свидетели того, – писали члены комиссии, – как дети при нас ласкались к отцу Николаю... Ясно, что они привязаны к нему и понимают, что он их приютил. Мы и в отсутствие отца Николая опрашивали детей, хорошо ли им в приюте, и получали один ответ, что хорошо. И служащие в приюте лица, как видно, преданы своему делу и любимы детьми. Нас дети встретили с радостью и охотно с нами разговаривали. Кроме школьных занятий, мальчики занимаются плетением корзин из прутьев под руководством особого мастера, а девочки шьют рубашек и платьев для приюта под руководством помощницы заведующей. Мы видели работы мальчиков и девочек и нашли их удовлетворительными.

Спят дети на отдельных койках. Постелью служат старые тюфяки, покрытые белыми коленкоровыми простынями. У каждого по подушке. Одеяла и шерстяные, и ватные. Конечно, по средствам и обстановка. Хотелось бы видеть всё поновее и почище, но можно мириться и с тем, что есть. Во всяком случае, и эта обстановка лучше обыкновенной крестьянской, где детям приходится валяться чуть не на голом полу и одеваться лохмотьями.

В столовой чисто. Дети два раза в день пьют чай с хлебом, которого дается

вдоволь. Едят щи со сметками и кашу с постным маслом, а в скоромные дни – щи с мясом, кашу и картофель. К чаю дается белый хлеб и баранки.

По осмотре приюта прошли на скотный двор. Скота оказалось крупного и мелкого 21 штука. Скот обыкновенный, крестьянский. За недостатком корма он несколько заморен. При нас давали скоту уже покупное сено. А еще три месяца предстоит кормить его. Расход по этой статье предвидится весьма значительный.

При разговоре с отцом Николаем о средствах содержания приюта выяснилось, что приют живет в долг, которого накопилось до трех тысяч рублей и который с каждым днем нарастает всё больше и больше».

Комиссия пришла к выводу, что следует поддержать детский приют, и обратилась к обществу с призывом помочь приюту в трудную для него минуту своими пожертвованиями и не дать погибнуть доброму и полезному начинанию отца Николая.

В 1909 году правление Власьевского общества трезвости опубликовало в «Тверских епархиальных ведомостях» отчет о поступивших пожертвованиях.

Члены правления писали: «Правление Власьевского общества трезвости считает долгом довести до сведения епархиального духовенства и других добровольных жертвователей, что детский приют Общества с Божией помощью, при содействии добрых отзывчивых людей продолжает переживать тяжелые испытания, ниспосланные ему Провидением. В настоящее время в приюте призревается 35 детей. <...> С 1 октября 1908 года по 1 февраля 1909 года на содержание приюта израсходовано 1634 рубля 25 копеек... на приход в течение означенного времени поступило 891 рубль 39 копеек, в числе коих добровольных пожертвований от причтов и церковей епархии, а также других частных лиц 549 рублей 32 копейки. Никаких пособий ниоткуда, кроме добровольных пожертвований, приют за это время не получал. Не имея возможности, во избежание расходов, лично уведомлять отцов настоятелей церковей епархии и других частных благотворителей, приславших свои пожертвования на приют, каждого в отдельности, правление Общества печатает список жертвователей в "Тверских епархиальных ведомостях". – Как отрадно видеть и сознавать, что некоторые отцы настоятели церковей и другие лица с должным христианским вниманием и серьезностью отнеслись к великому и святому делу призрения несчастных беспризорных детей, близко приняли к сердцу великое горе приюта и детей его и оказали свое горячее содействие в деле братской ему помощи.

Приносим свою самую сердечную благодарность всем, откликнувшимся на наш призыв и приславшим свои посильные лепты на дело приюта, а также всем, потрудившимся в деле сбора пожертвований на него, и призываем на всех Божие благословение и покров Царицы Небесной за их отзывчивость постигшему нас горю, за их христианскую любовь к этим несчастным, никому не нужным детям; пусть знают, что эти посильные лепты помогают нам спасти дело приюта, и мы верим, что оно не погибнет и мы с помощью добрых людей переживем постигшее нас горе»

Однако, несмотря на активную деятельность отца Николая по сбору пожертвований, несмотря на уже поступившие пожертвования, ущерб от пожара был столь значителен, что его так и не удалось компенсировать, и впоследствии приют пришлось закрыть.

Одним из главных недостатков тогдашнего общества была его непросвещенность. Просвещение народа было сосредоточено только в Церкви и

около Церкви. Но как только крестьянин уходил от Церкви, переставал посещать храм, интересоваться духовным, он тут же оказывался окруженным беспросветной тьмой. Если он был грамотен, то оказывался перед морем литературы, обучающей страстям и имеющей зачастую разрушительный характер как по отношению к человеческой личности, так и по отношению к Церкви, государству и социальным институтам. Чтобы хоть как-то содействовать просвещению народа, и в особенности крестьян, отец Николай основал в 1909 году журнал «К Свету», который начал издаваться с 1910 года и издавался вплоть до большевистской революции 1917 года, после которой была прекращена всякая просветительская церковная издательская деятельность, а все печатные издания были ограничены идеологическими рамками в соответствии с политической целесообразностью, заключавшейся в сохранении власти захватившими ее людьми.



Священник Николай Лебедев

В первом номере журнала, раскрывая его цель и задачи, отец Николай писал: «Темные, зловещие тучи продолжают окутывать нашу бедную, исстрадавшуюся Родину. Когда мысленным взором окинешь всю Русскую землю, когда перед глазами предстанет страшная картина тех нестроений, тех язв, которые разъедают

современную русскую жизнь, современное русское общество, как-то жутко становится на душе; страшная боязнь, боязнь за будущее России, за будущее русского народа как-то невольно закрадывается в сердце каждого русского человека, любящего свою Родину и преданного ей. Начинают расшатываться те устои, те основы, на которых искони покоилась Русь православная, – потоптаны, поруганы те идеалы, те верования, те святые заветы, которыми жил православный русский народ, которыми созидалась его сила и мощь – мощь Русского государства. Православный русский народ потерял веру в Бога, забыл Христа своего, забыл Его святые заветы, оставил путь правды Божией и пошел на распутье века сего. Ведь ни для кого не тайна то, что современное русское общество в большинстве своем стало совершенно индифферентным и к вопросам веры и религии, и к самой Церкви Христовой как хранительнице этой веры. Как для многих русских людей прежде святые слова: вера, Бог, православие – стали теперь пустыми звуками, каким-то прискорбным недоразумением, а Христос, настоящий, подлинный Христос, – каким-то предрассудком, исторической ошибкой людей! Как многие стараются высокое, вечное учение Христово, самое христианство опровергнуть и заменить его другими, человеческими учениями, а Христа Богочеловека заменить простым человеком! А с ослаблением веры в Бога, этой великой святыни, великого сокровища русского народа, с забвением Христа и Его великих заветов у русского народа появились новые понятия, новые верования и идеалы, новые законы, законы чисто человеческие, иногда совершенно несогласные, противные законам Божеским. И по этим-то законам русский человек стал строить свою жизнь как личную и семейную, так общественную и государственную. У современного русского общества явились новые понятия о чести, долге, собственности, о человеке и его назначении на земле. Хищение, грабежи заменили прежнее священное право собственности, свобода как своеволие, как полная разнузданность страстей, свобода от всяких законов Божеских и человеческих нашла себе широкий простор в русской жизни. Заметно, как постепенно разрушается семейный очаг, и святыня семейной жизни теряет свое прежнее обаяние, свою прежнюю прелесть, и место ее заменяет утонченный и грубый, открытый разврат. Стремление к чувственным удовольствиям, страсть к наживе, к деньгам постепенно заглушили другие, высшие, духовные интересы и всё покорили себе. Личность человека обесценена. Убийство с целью грабежа, из-за мести, по злобе, самоубийство всевозможных видов: на почве недовольства судьбой, разочарования в жизни, на почве нужды и тяжелых лишений – стали заурядным явлением современной русской жизни и перестали уже волновать русское общество, леденить душу читателя.

Иссякла христианская любовь друг к другу, взаимное доверие, справедливость и честность, милосердие к немощному брату и сострадание, а их заменили черствый эгоизм, желание, чтобы только себе было хорошо, зависть, алчность, вражда, ненависть и злоба. – И в русском человеке стал просыпаться зверь. Православный русский народ остался православным только по имени, а по жизни своей стал язычником, и даже хуже его.

Загляните теперь в деревню – и там так мало отрадного, светлого. В индифферентности к религии, равнодушии к вере, Церкви Христовой, к ее заветам деревня идет быстрыми шагами; в нравственном отношении простой народ в последнее время страшно опустился, одичал, озлобился, в материальном отношении

положительно обнищал, дошел до голодовки. Неурожаи последних лет, отсутствие заработков, падение промыслов страшно подорвали благосостояние деревни и довели крестьянское хозяйство до полного упадка. Забота о том, как бы с семьей не умереть с голода и дожить до "нови", забота о насущном куске хлеба заполнила всецело русского мужика, заняла его ум, его душу, – другим запросам, другим интересам, более высоким, духовным не остается и места.

А тут еще это пьянство проклятое, этот ужасный бич русского народа, эта страшная, гнойная язва русской жизни, окончательно подтачивает здоровье, силы и материальное благосостояние нашей деревни, убивает в ней всё доброе, всё святое. Страшное пьяное море всё шире и шире разливается по бедной Русской земле и грозит совершенно ее затопить. Неисчислимы, страшные бедствия несет оно дорогой нам отчизне. Дерутся и режутся братья, и мать дочерей продает, – плач, песни, вой и проклятья. А питейное дело растет... Стоном стонет Русская земля от этого страшного бича человечества, от этого носителя горя и страданий людских, и страшной болью в душе этот стон раздаётся. И хочется, страшно хочется крикнуть всем братьям по вере, всем русским людям: православные русские люди, дорогие братья, куда вы идете?! Ведь вы сбились с пути, и счастья, покоя вам вне Христа не найти! Опомнитесь, вернитесь к Нему, Христос всё: Он – единый вечный путь, Он жизнь наша, Он свет, Он сама истина!

И так постоянно напоминать людям-братьям о Боге, о Христе и правде Его, правде, поруганной и осмеянной теперь на земле, звать людей ко Христу, к этому Истинному Свету, просвещающему и освящающему всякого человека; говорить о забытых человечеством великих и вечных заветах Божественного Учителя, заветах правды, мира, добра и любви, и при свете их разрешать все жгучие "проклятые вопросы" современной жизни и на этих великих началах пытаться перестроить жизнь современного общества, отдельных его членов – вот одна из задач нашего журнала.

Внести хотя бы слабые лучи света, лучи знания и веры в темную, забытую, бедную деревню, помочь крестьянину советами в его многотрудной, полной житейской заботы и невзгод жизни, доставить ему разумное чтение, ободрить, помочь тем, "кто бредет по житейской дороге в безрассветной, глубокой ночи", с жадной жадностью и верой в груди, "без понятия о праве, о Боге, как в подземной тюрьме без свечи", – вот еще какую работу принимает на себя наш журнал.

Нарисовать, наконец, яркими красками страшную картину пьянства народного, гибельные последствия этого страшного зла для нашей Родины; картину разложения от пьянства семьи, общества, государства; указать, что предпринимается против этого ужасного бича человечества у нас в России, за границей; сказать, как борются лучшие люди на свете за трезвость святую; указать, как в последнее время во многих уголках православной нашей Руси загораются огоньки Божьего трезвого дела, призвать на эту святую борьбу новые лучшие силы отчизны; помочь тем, кто изнывает под бременем пьянственной страсти и ищет из нее выхода, поддержать и объединить всех тружеников на ниве народного трезвления, сплотить их в одну дружную семью, в одну могучую рать и пойти открытой войной против страшного врага Родины – пьянства народного, изгнать его, изгнать совершенно из родной страны, освободить русский народ от тяжелого рабства его – вот за что будет ратовать наш журнал. Поведем эту борьбу во славу Божию, по чувству христианской любви к ближнему, под

покровом Святой Церкви Христовой.

Итак, всё, что способно будет разогнать зловещие тучи, окутавшие нашу отчизну, что может хоть отчасти ослабить сгустившуюся вокруг нас страшную тьму, всё, что может побудить в человеке добрые, теплые чувства, что может возбудить в душе его жажду правды, мира, добра и любви, укреплять и развивать в нем эти святые начала, – найдет место на страницах нашего журнала. Нелегка наша задача; чувствуем, что мы слабы, немощны, чтобы справиться с ней, но мы крепко, свято верим в то, что лучшие, отзывчивые люди Русской земли, болеющие ее язвами и недугами и страстно желающие ей обновления и спасения, откликнутся на наш страстный призыв и помогут нам своими знаниями, опытом, советами, помогут нам держать крепко то высокое знамя, которое пишем мы на нашем журнале; мы верим, что в этом духовном общении нашем с дорогими читателями, в этом тесном единении с ними мы почерпнем для себя нужную силу и мощь, мы верим, что в этой дружной совместной работе на пользу дорогого русского народа – залог нашего дела, верный успех нашего журнала. Итак, кто жив человек? – Отзовися... К Свету, братья, к Свету, дорогие читатели! С Богом, за дело!..»

Как часто бывает, новое доброе дело сразу же встретило и препятствия, и затруднения. Священник Константин Ветлин так описывал их в статье, опубликованной в «Тверских епархиальных ведомостях»: «В декабре 1909 года епархиальный съезд духовенства Тверской епархии совместно с представителями от мирян – церковными старостами признал необходимым в целях борьбы с пьянством открыть Губернское общество трезвости. Это Общество должно объединить все частные общества трезвости в губернии. Организацию Губернского общества трезвости съезду было угодно поручить священнику села Власьева отцу Николаю Лебедеву. Через месяц по окончании занятий съезда отец Николай Лебедев уже выступил на путь практического осуществления пожеланий съезда, и 31 января вышел в свет первый номер издаваемого им журнала "К Свету". Издание журнала предпринято с тою целью, чтобы всё духовенство епархии в полном своем составе получило возможность высказать свои думы и суждения по вопросу о рациональной борьбе со страшным бичом человечества – алкоголизмом. Отец Николай Лебедев, понятно, не мог взять на себя одного всю ответственность за организацию общепархиального дела. Дело борьбы с пьянством не есть дело одного отца Николая. Это дело всего духовенства и всех мирян епархии, дело всей Церкви. И необходимо, чтобы вся эта Церковь, в полном своем составе, как живая организация, одухотворенная одним Духом Божиим, взялась за это дело.

Необходимо, чтобы все люди, поднявшиеся до уразумения высших задач жизни, вложили свои силы, свою энергию в великое дело борьбы с алкоголизмом. Но инициатива здесь, несомненно, принадлежит духовенству, потому что ведь ему вверены Богом заботы о благостоянии святых Божиих церквей.

И нельзя предположить, что духовенство отнесется равнодушно к исполнению своего священного долга.

Несмотря на то что журнал "К Свету" вышел только в количестве пяти номеров и не мог быть еще достаточно популяризирован, уже получены самые благоприятные отзывы о нем. <...>

Но при самом симпатичном отношении отдельных лиц к новому журналу он всё-

таки не может иметь успеха, пока всё епархиальное духовенство не поддержит его своим вниманием. До 1 марта в редакции журнала было всех подписчиков только 70 человек (половина из них – лица светских званий), и большинство подписались на полгода. От розничной продажи первых трех номеров редакция получила 30 рублей 35 копеек. <...>

Очевидно, что если редакционная касса будет долго находиться в таких же условиях, в которых она находится сейчас, то очень скоро иссякнет небольшая сумма (217 рублей), собранная на епархиальном съезде на организацию Епархиального общества трезвости. Других средств у редакции нет. Губернское попечительство о народной трезвости на просьбу о поддержке журнала ответило пока отказом. Принимать какие-либо меры к организации принудительной подписки редакция находит неуместным. Что же делать? Открывается дилемма: или духовенство должно поддержать то дело, которое начато им на епархиальном съезде, или оно будет свидетелем смерти начатого им благородного дела. Конечно, редактор-издатель журнала "К Свету" священник Николай Лебедев предпримет все меры к тому, чтобы журнал не умер. Ведь едва ли найдутся люди, которые на похоронах молодого журнала будут радоваться! И чтобы не доставлять духовенству огорчения, отец Николай Лебедев будет напрягать все свои силы, будет изыскивать средства. <...> Припоминаю, например, такой факт. Встречаю однажды отца Николая в Твери. Усталый, бледный... Спрашиваю: в чем дело? "Да вот ходил к одному из членов эмеритальной кассы⁵, – отвечает отец Николай, – хотел выяснить вопрос, не могу ли получить обратно все свои эмеритальные взносы, сделанные в течение пятнадцати лет. Деньги крайне нужны для приюта малолетних. Приют основан на средства Общества трезвости, а у Общества денег сейчас нет. Надо же как-нибудь поддерживать общественное детище!" Всякому известно, как ревниво духовенство оберегает свои эмеритальные взносы. Эти взносы до известной степени застраховывают его от голодовок в случае инвалидности. Но отец Николай благо свое личное и благо своей семьи приносит в жертву благу общественному. Да и мог ли он еще быть уверен, что его жертва даст определенные благоприятные результаты? Кто знает, сколько борьбы с самим собой, сколько нравственных страданий перенес человек, прежде чем решился на такой шаг. Теперь, по-видимому, судьба готовит отцу Николаю новое испытание. Порученное ему общественное дело близится к кризису, благодаря равнодушию самого общества. И у кого же поднимется рука, чтобы указать отцу Николаю на его эмеритальные взносы как на источник для покрытия дефицита по изданию нового журнала?

Человек взял на себя огромный, ответственный труд. Черновая сторона работы едва ли может быть заметна для постороннего глаза, едва ли может быть учтена по достоинству лицами, не соприкасавшимися с теми условиями, в которых находится вообще редакторское и издательское дело. Человек мучается, терзается, расходует силы, здоровье. Работает бесплатно. Неужели можно пройти мимо этой работы – только подойти, посмотреть и идти дальше?

А между тем новый печатный орган мог бы находиться в особо благоприятных

⁵ Эмеритальная касса (от лат. *emeritus* – «заслуженный») – капитал, составленный из взносов служащих, для производства из него ушедшим в отставку дополнительной пенсии.

условиях, если бы этого пожелало духовенство. В нашей епархии имеется около 1 200 причтов. В каждом причте – минимум два лица. Получается целая армия служителей слова в количестве 2 500 человек. Каждый из них может быть корреспондентом. Каждый может взять на себя нравственное обязательство хотя бы однажды в месяц давать сообщения о разных явлениях местной жизни. Желательны сообщения по преимуществу о светлых, добрых проявлениях жизни. Ведь в каждом приходе есть что-нибудь свое, типичное, интересное, достойное обсуждения, общественного внимания. Если где и замечается духовная беднота, то можно надеяться, что по мере увлечения носителей культуры печатным словом эта беднота сократится, уступит место положительной, творческой работе. Священники, как законоучители в земских и церковноприходских школах, могли бы пригласить школьных деятелей к участию в епархиальном органе. Несомненно, нашлись бы как в городских, так и сельских приходах интеллигентные люди, которые по предложению пастырей Церкви могли бы внести лепту своего труда в общее дело. Наконец, у нас есть духовная семинария с большим персоналом служащих лиц, есть два епархиальных женских училища, есть семь духовных мужских училищ. Во всех этих учебных заведениях есть хорошие свежие силы, которые, по-видимому, не имеют никаких оснований оставаться равнодушными ко всякого рода добрым общественным начинаниям. И если журнал "К Свету" кого-либо из нас не удовлетворяет, если мы находим в нем недостатки, то ведь от нас же зависит и устранение этих недостатков. Бледность печатных органов в значительной степени зависит от нашей духовной анемии, от нашей инертности, от наших эгоистических инстинктов, от нашей склонности к будничному, обывательскому "прозябанию".

Мне приходилось слышать довольно оригинальные суждения о новом журнале. Находят, например, что журнал не может иметь большого распространения потому, что он ставит слишком узкую цель – борьбу за трезвость. "Если я не пьяница, – рассуждает глубокомысленный "критик", – то зачем же я буду читать журнал и выписывать его! Теперь слишком много печатается материала, и выдумывать новый орган – бесполезная роскошь!" Но представим себе, что подобными "критическими" мыслями заразятся все деятели печатного слова. Ведь тогда падет всё печатное дело! Вся литература – эта гордость человеческого духа – должна погибнуть, потому что, в сущности, нет ничего нового под солнцем и всё, о чем будет говорить литература завтра, было уже сказано несколько веков назад. Погибнет литература, погибнут, в частности, печатные органы борьбы с пьянством и останутся одни "трактиры с крепкими напитками". Да если "критики" и не страдают слабостью к крепким напиткам, то это обстоятельство еще не дает им права игнорировать противоположную литературу. Не каждый же читатель способен, например, нарушить восьмую заповедь, но никто не будет отрицать необходимость гласности по отношению к нарушителям прав чужой собственности. Не каждый обыватель согласится признать себя виновным в нарушении целомудрия, но едва ли кто будет отрицать пользу литературы, призывающей к борьбе с безнравственностью, и так далее.

Известно, что святитель Димитрий Ростовский, пламеневший огнем борьбы за истину Христову, высоко ставил значение печатного слова. Он пишет: "Бог о летописании мене не истяжет. А о сем, аще молчать против раскольников буду,

истяжет. Не спит страж, стрегий нощью, – не подобает и духовнаго стада пастырю сонливу быти. Речеса во псалмех: не воздремлет, не уснет храняй Израиля". И в другом месте: "устная беседа близ токмо слышится, а яже писанию предаются, та и в концы вселенныя происходят"...

Если причт по недостатку личных средств не найдет возможным в год уделить три рубля на выписку журнала, то настоятель церкви может предложить церковному старосте выписать журнал на добровольные приходские пожертвования, причем следует указать на протокол епархиального съезда, где выражено согласие церковных старост на организацию Губернского общества трезвости. Такие кооперативы, как кредитные товарищества, потребительские лавки, общества трезвости, а также библиотеки и читальни, могут выписать журнал без особого ущерба для своего бюджета. Во всяком случае, необходимо, чтобы каждый приход выписал по одному экземпляру журнала. Тогда будет правильно поставлено издательское дело, журнал с честью выполнит возложенную на него миссию и останутся средства для дальнейшей организации Губернского общества трезвости...»

Несмотря на успешно прошедший съезд духовенства, дело борьбы со страшным злом жизни народной – пьянством – почти не сдвинулось с места. Волей-неволей отцу Николаю пришлось анализировать окружающую его действительность, смотреть, на что можно было бы опереться. На общество? На духовенство? От кого ожидать помощи в борьбе с этим страшным злом? «Может быть, у правительства? – вопрошал священник, анализируя современную действительность и призывая духовенство к борьбе со злом пьянства на страницах журнала "К Свету". – Несмотря на все заверения последнего в том, что борьба с пьянством отныне становится государственной задачей, к сожалению, мы не видим, чтобы правительство в действительности шло к сокращению среди народа пьянства. Ведь ежегодный доход от продажи вина простирается до 985,5 млн. руб. По размерам своим эта статья является самой главной статьей в смете государственных доходов. При настоящих условиях трудно ждать, что правительство сумеет и сможет в ближайшем будущем отказаться от этой статьи доходов. <...> Может быть, от Государственной думы? Но кто хорошо знаком с работой Государственной думы, кто внимательно вслушивался, как решался "пьяный вопрос" в ней всякий раз, когда заходила о нем речь, – тот не будет обольщать себя напрасной надеждой на Думу. Внесенный крестьянскими депутатами законопроект о мерах борьбы с пьянством полтора года тому назад всё еще рассматривается в комиссии, и неизвестно, когда он увидит свет и сделается предметом обсуждения в самой Думе. 24 февраля, когда при обсуждении сметы неокладных сборов известные борцы за трезвость народную – члены Государственной думы выступили с горячими речами против существующей системы взимания налогов путем винной продажи, члены Государственной думы оставили зал и разошлись по кулуарам, а некоторые депутаты даже заснули на своих креслах. <...>

Может быть, современное интеллигентное общество возьмет в свои руки дело борьбы с этим страшным злом? Но мы уже с достаточной ясностью видим, при каких неблагоприятных, ненормальных (в смысле трезвости) условиях воспитывается современная наша учащаяся молодежь, эти будущие светильники и руководители народной жизни, и как мало шансов на то, что из этой молодежи могут потом выйти убежденные и преданные борцы против пьянства, которые с настойчивостью и

успехом поведут дело борьбы против этого страшного бича человечества. <...>

В самом деле, мы что-то не слышим, чтобы преподаватели учебных заведений и учителя народных школ по крайней мере в Тверской губернии стояли во главе обществ трезвости, в ряду ее борцов или особенно уж симпатизировали самой идее трезвости.

Святое дело борьбы с пьянством могло бы, конечно, взять в свои руки наше духовенство и под благодатным покровом Святой Церкви и с ее помощью повести это дело с большим и надлежащим успехом. <...> Но, к сожалению, само духовенство иногда платит постыдную дань этому страшному молоху русской жизни, само бывает повинно в этом общем грехе и, прежде чем начать дело борьбы против него, должно позаботиться об исцелении самого себя от этого страшного недуга. Я не хочу никого обвинять, я только подчеркиваю всем известное печальное явление в жизни духовенства. Если духовенство хочет быть светочем, руководителем народа в деле трезвости, если оно хочет его вести к желанному свету и лучшему будущему, оно само должно в деле трезвости стоять на должной высоте. Разве может слепой вести слепого? Кроме того, чтобы заранее быть уверенным в полной победе над этим страшным многоголовым чудовищем, этой ужасной гидрой русской жизни – пьянством народным и чтобы обеспечить себе эту победу, духовенству необходимо, так сказать, мобилизовать все свои наличные лучшие силы, сплотить все свои разрозненные отряды в одну могучую сильную рать и общими силами, дружно, немедля ударить против общего врага – и тогда победа будет несомненна. Но наше духовенство, к великому прискорбию, к такой дружной, совместной, общей работе вообще и против пьянства в частности как-то не привыкло, избегает ее; духовенство привыкло и предпочитает почему-то бороться в одиночку, в разброд, отдельными отрядами и от этого много теряет в смысле успешности борьбы.

Говоря о такой страшной разобщенности духовенства, непривычности его к совместной, дружной работе, я имею в виду главным образом духовенство Тверской епархии.

Факты налицо. Недавно был в Твери епархиальный съезд. На съезде был поднят вопрос о мерах борьбы против пьянства. Яркими красками была нарисована страшная картина зла, происходящего у нас от пьянства. <...> Сделан был призыв объединиться всем в святой борьбе против этого страшного бича человечества, призыв горячий, страстный; духовенство также, по-видимому, горячо откликнулось на этот призыв и решило организовать епархиальное общество трезвости, которое и возьмет на себя задачу сплотить, объединить разрозненные общества трезвости, которых в Тверской губернии насчитывается около ста, и выработает более однообразные, более разумные и совершенные меры борьбы против страшного зла – пьянства. Казалось бы, что победа будет более обеспечена, но горькая действительность принесла совсем неожиданные результаты. Оказалось, что то был только минутный порыв, может быть, и искренний, а может быть, искусственный, только для виду. <...>

Или, может быть, духовенство не верит в целесообразность и святость подобной борьбы, не считает ее обязательной для себя, необходимой, думает, что она не вяжется с их прямыми пастырскими обязанностями, противна им как служителям Христа? Или духовенство решило занять выжидательное положение в качестве постороннего зрителя <...>.

Со всех сторон говорят и пишут, что на наше духовенство рассчитывать в начатом деле нельзя, что духовенство слишком стало апатично, лениво, ничем не интересуется, ничего не читает, ничем, кроме требоисправления, не занимается, что в деле трезвости ждать от духовенства сочувствия и поддержки нельзя, так как само оно пьет, картежничает, и оно с радостью встретит смерть начатого дела, которое нарушает их покой и тревожит заснувшую совесть и т. п. Больно, жутко становится от этих нареканий на наше духовенство, от этих страшных обвинений против него. Я уверен, что эти позорящие духовенство отзывы не соответствуют действительности и идут от лица недругов духовенства, от лица его врагов. Я думаю, что среди нашего современного духовенства сокрыты лучшие, благородные силы нашей страны, в нем залог нашего светлого будущего, от него должно произойти оздоровление нашей обнищавшей, измученной, пропившейся Родины, ее нравственное обновление и спасение. Мы верим, что и в деле борьбы со страшным бичом народным – пьянством духовенство станет впереди и поведет ее под покровом Святой Церкви Христовой, с ее помощью, с должным успехом и приведет наконец к полной, желанной победе, – оно спасет русский народ от этого страшного зеленого змея».

Несмотря на все трудности, отец Николай не унывал от неудач в борьбе с пороками, использовал в этой борьбе все средства, побуждая духовенство на созидательные действия. 12 июля 1910 года он собрал частное совещание из участников епархиального съезда, сочувствующих делу трезвости народа. В своей приветственной, обращенной к ним речи он вновь обрисовал яркую картину страшной язвы, которая разъедает русскую народную жизнь, – народное пьянство и призвал к объединению всех благоразумных людей. Напомнил, что уже были попытки приступить к исправлению этого зла, напомнил о прошедшем в прошлом году съезде и с горечью отметил, что все благие намерения съезда остались на бумаге и не приведены в исполнение. Отец Николай рассказал, что избранный епархиальным съездом организационный комитет бездействует, личная его попытка выработать план организации Губернского общества трезвости и программу его действий кончилась неудачей, обращение к епархиальному духовенству и представителям существовавших обществ трезвости остались гласом вопиющего в пустыни: проект, им предложенный, не встретил ни возражения, ни одобрения, ни добавления, ни замечаний с чьей бы то ни было стороны. Дело организации журнала "К Свету" со стороны духовенства и представителей местных обществ трезвости было встречено полным равнодушием.

«Журнал имеет, – сказал отец Николай, – около трехсот подписчиков, в том числе одну треть иноепархиальных и светских лиц; нет постоянных сотрудников; представители и руководители местных обществ трезвости не делятся на страницах журнала ни сведениями о деятельности своих обществ, ни опытами своей борьбы с народным злом и вообще не подают никаких признаков своей жизни. Самое дело издания, всю черновую работу его, наконец всю материальную часть по издательству приходится нести на себе одному редактору. Он, редактор, хорошо сознает, что журнал слишком далек от той идеальной постановки, которая предусматривалась программой журнала, сознает, что журнал страдает многими недочетами, но устранить их, поставить журнал на желанную высоту и вообще справиться со столь серьезным и важным делом, каким является дело издания журнала, он один не в

состоянии. Между тем в высшей степени желательно и необходимо дело издания журнала сохранить. Необходимо для этого, чтобы у дела был не один человек, а около него встала бы целая организация из людей, убежденных – борцов трезвости, людей верующих и преданных Святой Православной Церкви».

После обсуждения касающихся издания журнала вопросов собравшиеся высказали ряд дельных предложений. Был избран организационный комитет для выработки программы для предстоящего съезда представителей обществ трезвости и решено представить эти инициативы на рассмотрение правящего архиерея Тверской епархии.

Одним из постановлений прошедшего в декабре 1909 года епархиального съезда было решение об участии духовенства в создании кредитных товариществ. Заботясь о духовном просвещении паствы, отец Николай не мог не заботиться и о ее материальном положении, тем более что крестьяне переживали тяжелое время: под влиянием целого ряда неурожайных лет, падения промыслов и отсутствия заработков они были на пороге голода. У большего числа крестьян среднего достатка хлеба хватало только до Рождества или нового года, а затем крестьяне покупали его в городе. Наступал конец весны, а у крестьян не было хлеба ни для себя, ни на семена для посева. И крестьяне вынуждены были идти к ростовщикам, которые хотя и давали необходимое, но под большие проценты или давали деньги под будущие работы. И люди становились перед суровым выбором – или влезать в новый долг, или оставлять землю незасеянной, без всякой уже надежды избавиться потом от грядущей бедности. Для исправления этого положения отец Николай предложил создать кредитные товарищества, которые могли бы выручать попавшего в трудное положение каждого их участника. Поскольку сами крестьяне не проявляли инициативы организовываться в такие товарищества, отец Николай предложил, чтобы священники, как люди образованные, взяли на себя инициативу организации кредитных товариществ, учитывая то, что крестьяне не были просвещены ни в юридических, ни в финансовых, ни в экономических, ни даже в сугубо сельскохозяйственных вопросах, между тем как от правильного решения этих вопросов зависело благосостояние их семей. А бывало, что кто-то из крестьян и начинал разбираться в этих вопросах, но зачастую использовал эти знания исключительно для себя и часто для наживы, обмана и эксплуатации невежества своих братьев-крестьян. Отец Николай считал, что священники, как напрямую соприкасающиеся с народом, не должны уклоняться от исполнения этого нравственного долга.

Он писал в журнале «К Свету»: «Ведь духовенство не имеет нравственного права спокойно и равнодушно смотреть на беспомощность своей паствы в материальном отношении: нельзя людям, обремененным семьями, людям голодным говорить только о небе и заставлять их забывать землю с ее нуждами и неумолимыми требованиями; не могут пастыри Церкви Христовой с успехом выполнять свое великое служение и продолжать дело Христово, если материальное благосостояние их пасомых не будет более или менее сносно, – ведь материальное благосостояние паствы и духовно-нравственное развитие ее находятся в столь тесном взаимодействии, что меры, направленные к улучшению материального быта ее, несомненно, облегчат пути и способы к поднятию умственного и нравственного ее уровня. <...>

На основании личного опыта не скрою и того, что духовенству, решившемуся

принять на себя руководящую роль в кредитных товариществах, предстоит немало заботы и работы, так как большая тяжесть по ведению книг отчетности и вообще всех операций товарищества неминуемо ляжет всё-таки на священника, <...> но истинному пастырю Церкви, искренно болеющему за свою паству, помнящему завет святого апостола: *сильные должны сносить немощи бессильных и не себе угождать* (Рим. 15: 1), бояться этих трудов не следует. Если пастырю Церкви с помощью кредитного товарищества удастся выручить своего пасомого из беды, удастся поставить убогое хозяйство крестьянина в такое положение, когда крестьянин освободится от назойливой, всепоглощающей мысли о насущном куске хлеба и когда для него откроется возможность других запросов, других интересов, более высоких, духовных, – пусть он тогда знает, что недаром он прожил на свете, а это сознание будет для него великим утешением, наградой за его труды».



*Священник Николай Лебедев с членами правления
Власьевского кредитного товарищества*

Многие из числа духовенства считали, что не дело пастыря заниматься этим мирским делом, его дело – это забота о спасении душ, о духовном окормлении и участие в устройстве кооперации уронит авторитет пастыря в глазах паствы.

Решив показать, что участие в таком товариществе напрямую может способствовать исполнению христианской заповеди, отец Николай на страницах журнала «К Свету» рассказал о бывшем с ним случае. Каждый год кредитное товарищество обычно к маю раздавало уже все имеющиеся у него деньги, так что к этому времени ничего не оставалось. И именно тогда пришла просить женщина-вдова, Феодора Фролова.

Ей было нужно 20-25 рублей на свадьбу. Дочь вдовы просватала за жениха, но было оговорено приданное в 25 рублей. И она пришла к отцу Николаю просить на это ссуду до осени. А в товариществе в это время уже не было денег. Это произошло в самый праздник святителя Николая чудотворца, 9 мая. Звонили к утрени. Отец Николай

собрался идти в храм, когда ему сказали, что какая-то женщина его спрашивает. Он вышел и увидел уже ранее приходившую к нему с этой просьбой Феодору.

– Ну что тебе? – спросил отец Николай.

– Да будь отец родной, вызволи из беды: дочь вот просватала в свою деревню, свадьба назначена через неделю, а в это воскресенье непременно должна вручить жениху приданное – 20 рублей. Не отдашь – дело расстроится, а уж больно хочется дочку пристроить, пока жива, пока ноги таскают. Помоги, родной! Обегала всю деревню – и всё без толку; у всех теперь нужда, да и кто поверит мне – бедной вдове! Продать нечего. Хотела было рожь на полосах продать, набивалась мужикам, за пятнадцать рублей всего уступала – никто не берет. У кого денег нет, кому не надо, кто боится, сподобит ли Бог и свою-то убрать с поля, мало ли что может случиться... Помоги, кормилец, моему бабьему горю, пожалей ты нас сирот, – умоляла она со слезами.

– Да денег-то, бабушка, нет, – сказал отец Николай.

– Да уж как-нибудь расстарайся, родной. Ну, если ты откажешь, что буду делать я тогда... – голосила она.

Вот, подумал священник, пристала глупая баба: дай да дай ей денег, где хочешь возьми, а дай. А где их взять-то? В кассе остались одни копейки. Своих денег в данный момент совсем нет. А женщина всё стояла и плакала, и свое всё твердила. Досада взяла. Не удержался отец Николай и, прикрикнув на нее, ушел в церковь. Ушел, а на душе скверно стало, как будто он преступление совершил. Внутренний голос настойчиво ему говорил, что надо бы помочь женщине, нехорошо он поступил, человек плачет, убивается, взывает о помощи, а он безучастно мимо прошел. Невыносимы стали эти упреки совести, и он послал разыскать женщину, чтобы сказать ей, что после обедни даст ей нужную сумму, выпросит у одного человека. К сожалению, посланный женщины не нашел – получив отказ, она ушла. Начал отец Николай служить литургию, а плачущая женщина из ума не выходит. Пением священных песнопений он попытался прогнать тяжелые мысли, но не тут-то было. Поются стихиры в честь угодника Божия святителя Николая, а перед ним из жизни святителя встает факт, как угодник Божий ночью тайком подкрался к хижине бедняка, обрекшего трех своих дочерей на позор, подбросил кошельки с золотом и тем спас несчастных от позора и гибели. И опять перед глазами отца Николая предстала стоящая на коленях плачущая женщина. Бредет она, беспомощная, теперь в свою убогую избу, обливаясь слезами, бредет к своей бедной дочери, чтобы сказать ей, что счастье ее не суждено сбыться. И слышит отец Николай упрек от святителя: «Зачем оттолкнул бедную вдову и не оказал ей помощи?» Закончилась церковная служба, пришел священник домой, а праздника в душе нет. Занял он тогда у благодетеля нужную сумму и решил тотчас послать их женщине: правлением товарищества ему было разрешено удовлетворить просьбу Фроловой, если будут деньги.

В этот период в доме отца Николая жил молодой человек, Александр Тодорский⁶, который помогал ему в издании журнала. По просьбе отца Николая он направился в деревню, где жила женщина, отстоявшую за десять километров от

⁶ Александр Иванович Тодорский (1894-1965), сын священника, впоследствии военачальник. По окончании Краснохолмского духовного училища поступил в Тверскую духовную семинарию, из которой был отчислен скорее всего по политическим мотивам. Отец Николай дал ему приют.

Власьева. После долгих поисков он наконец нашел избу вдовы Феодоры Фроловой, и его глазам предстала такая картина. В бедной, убогой избе у окна с шитьем сидит молодая девушка и, плача, тихо напевает что-то очень-очень грустное. Слезы текут по ее лицу и капают на шитье, на лавку. Оплакивая свою горькую участь, она не услышала, как отворилась дверь и в избу вошел незнакомый человек.

– Послушайте, здесь живет Феодора Фролова? – спросил Александр Тодорский.

– Здесь, – ответила девушка, – а что вам нужно? – Да вот я деньги принес вам.

– Какие деньги?

– Да из Власьевского товарищества.

Только тут девушка поняла, в чем дело, лицо ее преобразилось, и она побежала в горницу позвать мать. На крик дочери пришла мать и сначала никак не могла поверить словам дочери, пока пришедший не отдал ей 20 рублей. Радости бедной вдовы не было границ. Она горячо, со слезами на глазах молилась Богу и благодарила святителя Николая, пославшего ей на свой праздник великую милость. Горя, которое повисло над бедной семьей, как не бывало. Благодаря оказанной помощи через несколько дней состоялась свадьба.

Отец Николай рассматривал этот случай не как относящийся к нему, потому что он сделал то, что должен был сделать, а если бы не сделал, то это бы был ему грех, а как пример того, что во многих случаях само кредитное товарищество могло бы оказывать помощь своим нуждающимся или попавшим в беду членам.

Усердный труженик, отец Николай не боялся высказываться публично относительно неправомерности поступков духовенства, хотя бы и некоторые и занимали начальствующие должности, например, благочинных. И, когда, по предоставленному духовенству епархиальным начальством праву выборов благочинного, вместо избранного кандидата (сверх всякого ожидания и вопреки воли духовенства) в благочинные благодаря некой интриге попал совсем иной человек, отец Николай выступил с критикой подобного рода действий ставшего благочинным священника, написав: «Дай Бог, чтобы братский мир царил между отцом благочинным и подведомственным ему духовенством и между ними установились добрые и любовные отношения, <...> для сего мало облечься благочиннической властью, а необходимо прибести в глазах духовенства еще авторитет и уважение, только тогда власть и будет высока, а на одной строгости да задоре-то далеко не уедешь».

Во всё время существования журнала «К Свету» все заботы, все тяготы ежедневных трудов лежали на отце Николае. Вот как писал об этом единственный сотрудник журнала Александр Тодорский: «...К величайшему сожалению, № 1 журнала "К Свету" за 1913 год, как видите, слишком запоздал своим выходом. Конечно, многие обвинят редакцию, – "поленилась редакция" – наверное, скажут некоторые из вас. Нет, друзья! Слишком трудна при одиночестве, слишком "кропотна" работа по составлению номера журнала, а особенно в первый месяц нового года. Тут и переписка с сотней редакций об объявлениях, и переписка с читателями и сотрудниками, контакты с типографией, с почтой, со служащими, словом, что-то невыразимое творится в каждой редакции в начале года, а особенно там, где приходится работать одиноко, без помощников, и я удивляюсь, как это не "свалится" от переутомления наш глубокоуважаемый редактор отец Николай.

Как сложна редакционная работа. Помню, как часто с отцом редактором мы

сидели "напролет" целые ночи над составлением журнала, исправляя рукописи, делая мелкие заметки, проверяя корректуру и тому подобное, и верьте, читатель, – легче возить воду на себе, чем эта работа по изданию журнала. Каждый номер "в болезнях" рождала редакция. Прожив четыре месяца под одной кровлей с отцом редактором, я при помощи добрых людей "пристроился" в казенное учреждение, но связи с приютившим меня журналом я не покидаю и сейчас. Но, несомненно, много помогать редакции я уже не могу. А отец редактор всё неугомонно работает и работает и конечно в "болезнях рождает чадо свое"...»



*Священник Николай Лебедев с членами правления
Власьевского кредитного товарищества*

Состоявшийся в декабре 1911 года съезд духовенства Тверской епархии подтвердил важность издания журнала «К Свету» и просил благочинных собрать плату с приходов, куда журнал уже был разослан, а также выразил желание, чтобы журнал и далее продолжал свое существование; съезд посчитал своим нравственным долгом рекомендовать журнал всем причтам и народу епархии.

За три года своего существования журнал «К Свету» обратил на себя внимание читателей и в других епархиях, всё чаще стали печататься о нем положительные отклики как об одном из лучших журналов, который представляет интерес не только для крестьян, но и для всех образованных людей. Один из священников Волынской епархии опубликовал в «Волынских епархиальных ведомостях» отзыв о журнале: «Журналы всё больше наполняются объявлениями об открытии подписок на 1913 год.

Но вот важный вопрос: какой журнал в настоящее время более всего пригоден для народного чтения, притом доступен для каждой церкви по цене?!

Пишущий эти строки давно и много этим вопросом интересовался; не один год он тратил по несколько рублей своих денег на выписку журналов для прихожан, пока наконец не остановился на журнале "К Свету", который понравился крестьянам и очень полезен для них. Впрочем, я должен оговориться. Журнал "К Свету" с удовольствием и пользой мог бы быть прочитан и каждым образованным человеком, сочувствующим просвещению народа в духе религиозно-нравственном, а пастырь, кроме того, мог бы воспользоваться им как отличным пособием при ведении внебогослужбных

собеседований с народом.

Помещая в журнале "К Свету" статьи, между которыми проходят через все номера журнала интересные по содержанию и картинному изложению и вообще очень назидательные рассказы, повести, очерки на разнообразные темы: против неверия, против пьянства и за трезвость, против хулиганства, сквернословия и так далее, – отец Николай Лебедев (издатель-редактор), очевидно, болеет душой за погибшего брата и много трудится для того, чтобы внедрить в сердцах народа веру в Бога, страх Божий, честность, трезвость и другие добродетели. Широкий отдел уделен антиалкогольной литературе. В каждом номере журнала помещаются весьма назидательные стихотворения, написанные благозвучно (многие годятся для заучивания детьми в школе). Есть краткий отдел – "Церковно-общественный". Вообще журнал разнообразный по содержанию. Между прочим, имея желание расширить рамки своего журнала (конечно, при условии достаточного для этого числа подписчиков), издатель приглашает в сотрудники священников и других лиц, способных своим словом "зажечь сердца людей"».

Сам отец Николай вспоминал впоследствии, насколько тяжело ему было иногда созидать свое детище – журнал, столь необходимый для просвещения паствы. «Жутко становится, когда вспомнишь, сколько волнений и тревог, сколько тяжелых минут пережито за всё это время. Иногда я изнемогал под напором тяжелых обстоятельств и великой силы зла, не раз готов был похоронить свое любимое детище, но сознание того страшного зла, которое причиняет пьянство родной стране, родному народу, заставляло снова браться за работу».

Активная церковная и в особенности общественная деятельность отца Николая не встретила сочувствия со стороны гражданской власти. В глазах светского начальства из-за активной своей деятельности он считался неблагонадежным, и его деятельность была взята под подозрение. Когда в Тверской губернии проходили выборы в III Государственную думу от духовенства и кандидатура отца Николая на уездном съезде прошла большинством голосов, губернатор Николай Георгиевич Бюнтинг выразил неудовольствие, что священник участвует в выборах, и сообщил об этом архиепископу Тверскому Антонию (Коржавину); тот передал о неудовольствии губернаторского начальства священнику, и отец Николай снял свою кандидатуру с выборов.

В соответствии с благословением епархиального архиерея, отец Николай состоял членом уездного и губернского попечительств народной трезвости. На одном из заседаний, где присутствовал губернатор, отец Николай стал описывать действительное положение вещей в области народного пьянства, надеясь, что присутствующее начальство услышит, а если пожелает, то и поможет исправить положение. Отец Николай сказал, что правительство в борьбе с пьянством не вполне искренне, что те меры, которые предлагаются правительством в виде учреждений попечительств, являются лишь жалким паллиативом и целей не достигают, что правительство слишком слабо борется с шинкарством и почти не помогает людям, действительно борющимся с пороком винопития. «Это, – сказал священник, – я испытал на своем собственном опыте». Правда, высказанная публично, привела губернатора в ярость, отец Николай немедленно был уволен от членов уездного и губернского попечительств о народной трезвости, а издаваемый им журнал,

выписываемый до этого чайными и читальнями попечительств в губернии, стал изыматься из библиотек и был запрещен для подписки. В апреле 1912 года за статьи против казенной продажи водки, против монополий и на другие злободневные темы губернатор вызвал к себе отца Николая и пригрозил ему, что вышлет его из Тверской губернии и закроет журнал.



Архиепископ Антоний (Коржавин)

Только заступничество архиепископа Антония (Коржавина), который ценил и высоко ставил самоотверженную деятельность священника по борьбе с пьянством, спасло его от высылки, а журнал от закрытия. По предложению архиепископа в виде компромисса над журналом была учреждена негласная цензура; цензором был назначен бывший инспектор семинарии, которому до отдачи в печать журнал представлялся для предварительного просмотра.

По постановлению съезда духовенства Тверской епархии, состоявшегося 16 декабря 1909 года, и по благословию епархиального архиерея должно было открыться Епархиальное общество трезвости (что было подтверждено впоследствии 16 апреля 1913 года) и даже выработана программа для Всероссийского празднования дня трезвенности в Твери. Но Общество к этому времени не открылось, и идея трезвости потерпела в Твери поражение: ни праздника, ни открытия Общества не состоялось, так как за эти несколько лет епархиальные власти так и не получили на свой запрос ответа от губернатора.

Только 15 декабря 1913 года, в значительной степени благодаря усилиям отца

Николая, в Тверской епархии было наконец открыто Епархиальное общество борьбы с народным пьянством. Открытие Общества архиепископ Тверской Антоний приурочил ко дню, когда должен был проходить епархиальный съезд духовенства, чтобы тем самым дать возможность всем желающим из числа духовенства вступить в число его членов и таким образом с первых шагов связать деятельность Общества с жизнью епархии.

В этот день архиепископ Антоний в кафедральном Спасо-Преображенском соборе отслужил литургию в сослужении ректора Тверской духовной семинарии архимандрита Вениамина (Федченкова), протоиереев настоятеля собора Петра Александровича Соколова и ключаря собора Николая Николаевича Богословского, настоятеля Николо-Столпенской пустыни игумена Амвросия (Сретенского) и представителей известных в Тверской епархии обществ трезвости – священника Николая Лебедева и священника Успенской церкви в Вышнем Волочке Иоанна Виноградова. В час дня в архиерейском доме при собрании всего тверского духовенства, депутатов съезда – как священников, так и церковных старост – состоялось торжественное открытие Общества.

Архиепископ Антоний рассказал о задачах Общества и почему открытие его приурочено ко времени работы епархиального съезда. Затем отец Николай Лебедев зачитал устав Общества. Был оглашен список членов Общества как действительных, то есть давших обет безусловной трезвости (34 человека), так и членов-сотрудников (43 человека), то есть сочувствующих целям Общества, но не пожелавших взять на себя обязательства полного личного воздержания от употребления спиртных напитков. Отец Николай рассказал о задачах новооткрываемого Общества, о необходимости для духовенства подвига личного воздержания, на который современные пастыри зовутся переживаемым историческим моментом и о котором каждому пастырю говорит его совесть и высокое призвание быть светильником для паствы, всем своим образом жизни подавая ей пример. В заключение отец Николай горячо призвал духовенство и лучших из мирян примкнуть к неотложному и святому делу борьбы со страшным злом нашей Родины – народным пьянством. Архиепископ Антоний разъяснил права и обязанности действительных членов и членов-сотрудников, и затем состоялись выборы должностных лиц.

Председателем Общества был избран архиепископ Антоний, товарищем – ректор семинарии архимандрит Вениамин, секретарем – священник Николай Лебедев, кандидатом к нему – священник Константин Михайлович Ветлин, членами правления – священник Александро-Невской церкви Твери Лев Иванович Крылов, епархиальный миссионер священник Иоанн Иоаннович Ильигорский и священник настоятель кафедрального собора протоиерей Петр Александрович Соколов – и кандидатами к ним священник тверской Никольской на Зверинце церкви Петр Христофорович Соколов и священник тверского женского Христорожественского монастыря Алексей Константинович Бенеманский⁷. Печатным органом епархиального Общества трезвости был избран журнал «К Свету»; небесным покровителем Общества – святой благоверный великий князь Михаил Тверской.

Забываясь о духовном просвещении своей паствы, о ее отрезвлении, отец

⁷ Священномученик Алексей Бенеманский (1881-1837); память 22 ноября (5 декабря).

Николай не игнорировал и ее материальное положение, во многих случаях бедственное. Понимая, насколько материальное положение крестьян зависит от природных условий, и в частности от употребления новейших способов обработки земли, он часто устраивал с ними беседы на сельскохозяйственные темы, убеждая крестьян улучшать обработку земли, следить за тем, чтобы почва не истощалась, убеждая приобретать современные сельскохозяйственные машины и инвентарь, с помощью которых можно делать свой труд более производительным и легким. Он убеждал крестьян вводить травосеяние. В деревне Пасынково, где у крестьян не было на этот счет единодушия и они не хотели сеять траву под предлогом отсутствия средств, он на свои средства приобрел семена клевера и под свою ответственность засеял ими поля.

Для более успешного развития сельского хозяйства отец Николай открыл Власьевское кредитное товарищество, которое своей деятельностью охватило 33 селения с восемьюстами жителей. Товарищество проработало одиннадцать лет, ссужая бедняков деньгами, приобретая для них лучшие семена ржи, овса, льна, сельскохозяйственные машины, выписывая из питомников саженцы яблонь и вообще посадочный материал. Многие работы делались отцом Николаем для Товарищества бесплатно, бесплатно предоставлялось помещение, отопление и освещение. В 1914 году, по инициативе священника и при его непосредственном участии, когда он был и инженером, и мастером, и рабочим, для Товарищества был выстроен отдельный каменный дом.

После падения монархии были назначены выборы в Учредительное собрание, которое должно было избрать форму государственного устройства. Страна стояла на перепутье, и отец Николай с тревогой наблюдал, что будет с Русской Церковью. Епископат относительно устройства будущего страны ничего не предлагал и никаких указаний, будучи сам растерян, не давал, а «само духовенство, – писал отец Николай, – очевидно, остается, как и всегда, совершенно инертным и индифферентным к этому исключительному по своей важности историческому моменту и обсуждением предвыборного вопроса не занимается <...>. Конечно, для нас, православного духовенства, и для нашей верующей паствы как членов Церкви Христовой совершенно безразлично, какой будет установлен у нас в России образ правления – монархический или республиканский, будет управлять государством или новоизбранный царь, или президент, как во Франции и Америке, но весьма не безразлично то обстоятельство, из кого именно будет состоять самое Учредительное собрание, какая именно партия возьмет перевес, а следовательно, кто будет управлять государством и сочинять новые основные государственные законы, представителем чьих интересов будет лицо, поставленное во главе государственного управления. Как чада Церкви Христовой, мы не должны, собственно, принадлежать к какой-нибудь определенной партии, не должны связывать себя какой-либо партийной дисциплиной, но мы должны принять все меры к тому, чтобы в Учредительное собрание попали "лучшие люди Русской земли", горячо любящие свою Родину, искренно ей преданные, не представители той или иной партии, а люди "цельные", хорошо знающие действительные нужды народные, т. е. люди, для которых благо Родины, ее счастье, ее величие дороже и выше всяких партийных расчетов, – люди, для которых дорого не только материальное благополучие русского народа, но не менее дорог и его нравственный и религиозный

облик, дорога вера и Церковь Православная. Следовательно, духовенство Церкви Православной, как поставленное на страже веры и нравственности народной, призванное пещись о спасении душ своих пасомых, должно озаботиться, чтобы в Учредительное собрание вошли люди не только государственного ума, но и благочестия, защитники не только государственных интересов, но и церковных, которые бы сумели постоять там за веру православную, за святыни русского народа».

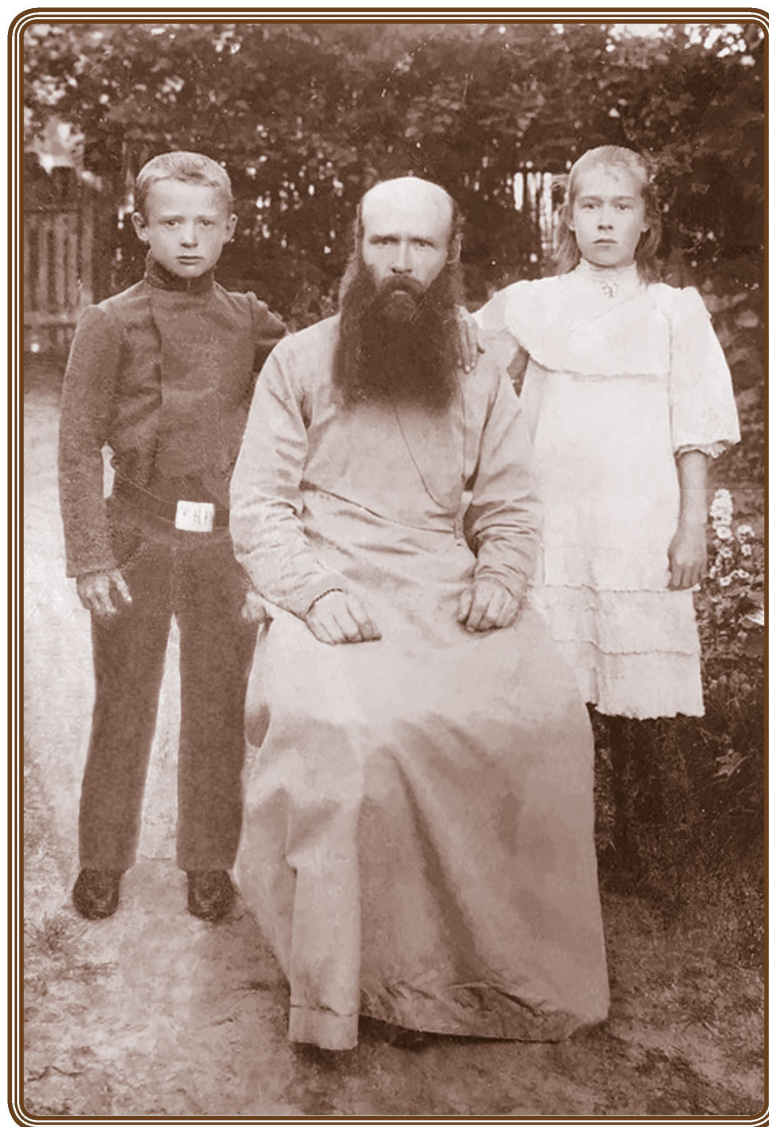
Отец Николай отмечал, что все правые партии, бывшие активными при монархии, замолчали, активными оставались лишь левые, социалистические партии, которые в своих программах не оставляли места ни для Церкви, ни вообще для религии. Обозревая русское крестьянство, с которым духовенство в основном и имело дело, отец Николай писал, что «духовенство при желании и энергии могло бы направить и выборы, и самую законодательную работу на верный путь, в надлежащее русло. И в этом случае духовенство бы только исполнило свой прямой долг и перед народом, и перед Церковью, и перед истрадавшей Родиной. Но вот в чем вопрос: захочет ли духовенство выступить в нужный момент и примет ли активное участие в предвыборной кампании? Судя по тому, как проявляет себя православное духовенство в переживаемое Родиной трудное время, в эти критические минуты, нельзя надеяться, чтобы оно прониклось и на сей раз сознанием всей важности переживаемого момента, пробудилось бы от своей обычной спячки, своей растерянности и проявило нужную энергию и должную мощь, тем более что необходимых указаний и директив от тех, от кого бы следовало их получить, оно не получает: почивают на лаврах те, кто бы должен быть светильником для загнанного сельского духовенства и идти впереди, указывая ему дорогу. Время уже упущено, и едва ли постараются наверстать потерянное. <...> Стражем поставил Господь нас, православное духовенство, над домом Своим, над русским народом, но плохо пасем мы это вверенное нам стадо, плохо оберегаем мы его от разных хищных волков. И Господь взыщет с нас за это нерадение».

После Февральского переворота и отречения императора от престола журнал «К Свету» стал не только печатным органом, существовавшим благодаря инициативе отца Николая, он стал неофициальной частью «Тверских епархиальных ведомостей» – официального печатного органа Тверской епархии, а сам отец Николай был назначен редактором ведомостей. Наблюдая церковную жизнь в епархии и весьма не удовлетворяясь ею, отец Николай писал о положении журнала в новых условиях: «Когда всевозможные и многочисленные партии и организации успели обзавестись своими печатными органами и выступили на защиту своих партийных интересов, думалось, что и духовенство местной церкви проснется от своей долгой спячки и выступит со свободным, смелым и правдивым словом на защиту тех вековых устоев, на которых строилась Русь православная, – на защиту Церкви Христовой и ее учения, на защиту, наконец, своих прав и обязанностей; думалось, что пастыри Церкви Христовой в эти страшные дни, дни тревог и сомнений, безверия и адской злобы, развернут свое светлое знамя христианской свободы, братства и любви и поведут свое мятущееся словесное стадо к Источнику Света и Правды и Любви – Христу.

Казалось, что в переустройстве органа примут участие новые и лучшие силы епархии. <...> Но мечты так и остались мечтами».

Описывая положение России, создавшееся к началу октября 1917 года, отец Николай в проповеди на празднование Казанской иконы Божией Матери сказал: «Не

хватит, кажется, слов, чтобы можно было изобразить настоящее бедственное положение России. Вот уже с лишком три года, как мы ведем ужасную кровопролитную войну с врагом и терпим неудачу за неудачей, поражение за поражением. Одни миллионы наших воинов, грудью защищая Родину, пали на поле битвы, другие миллионы томятся в варварском плену. А враг забирается всё глубже и глубже в страну нашу. Взял Польшу, почти весь Прибалтийский край и теперь грозит нашей столице – Петрограду. Закупоривается в Европу то окно, которое с таким усилием прорубал когда-то Петр Великий.



Священник Николай Лебедев с детьми

А какую надежду мы можем иметь теперь на отражение врага? Где та сила, которая бы изгнала врага из пределов родной нам земли и даровала нам победу? Что представляет из себя теперь когда-то сильное, славное, страшное для врагов наше православное русское воинство? Оно покрыло себя неслыханным позором, оно постыдно бежит с позиций даже тогда, когда враг ему и не угрожает. Наша могучая когда-то рать превратилась в распущенную своевольную банду, не признающую никакой дисциплины. Наше «христоролюбивое воинство» занимается всем чем угодно, но только не военным делом: оно предается пьянству, азарту, занимается

спекуляцией, участвует в грабежах, насилиях, погромах и убийствах мирных граждан. Развал нашей армии небывалый.

А что творится внутри нашей Родины – страшно и говорить. Повсюду царит полная анархия, видов власти много и в то же время власти нет, – та, что есть, почти не признается, повсюду насилия, захваты, грабежи, убийства. Погромы имений и культурных хозяйств стали обычным теперь явлением и получили характер дозволенности. Единый русский народ подразделился на многочисленные партии, враждующие между собою. Повсюду взаимная ненависть и злоба, готовая перейти в междоусобную гражданскую войну. Дороговизна жизни стала небывалая. И нельзя сказать, чтобы она вызывалась необходимостью, мы создаем ее искусственно. <...> Промышленность, торговля замирает, закрываются заводы, фабрики и другие частные предприятия. Многим грозит безработица. А в довершение всех зол – на нашу Родину надвигается новый страшный враг – это голод. <...>

Где же наши современные Минины, Дионисии, Палицыны, Пожарские, которые бы могли встать на защиту погибающей России? Их нет, мы не слышим их голоса, а если и раздастся он, то его не хотят слушать, – с ними или зверски расправляются, называя их изменниками, или гноят в тюрьмах.

Русское самосознание затемнено, совесть народная – чем жила наша Родина – загасла теперь.

Что же нам делать и где искать спасения от всех этих бед, что нависли над нашей Родиной, от тех страшных ран, что терзают ее тело?

А что делали наши предки в тяжкие години? Они смотрели на эти бедствия как на наказание за грехи, как на гнев Божий, видели в них карающую и исправляющую руку Божественного Промысла и прибегали с покаянием к Богу, умоляли Всесильную Заступницу земли Русской – Царицу Небесную.

И нам, по примеру предков, когда нашей Родине грозит неминуемая гибель, когда нет надежды на человеческие силы, нужно покаянно умолять Всесильную Заступницу, чтобы Она сжалилась над Русской землей, сняла пелену с глаз русского народа, пробудила бы в нем самосознание, загасшую совесть народную и спасла Русскую землю, как не раз спасала ее прежде. Царица Небесная, спаси нас, мы погибаем».

Говоря слово на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, отец Николай в особенности остановился на воспитании детей (каким оно должно быть и каким оно было в действительности), сказав: «Так неотразимо велико бывает влияние на ребенка со стороны родителей вообще, и в частности со стороны матери. На всю жизнь в детях остается почти всё, что они видят и слышат в своей семье в младенчестве и детстве. Следовательно – семья для каждого ребенка является первой школой в деле воспитания, а отец, и в особенности мать, – первыми его воспитателями. <...>

К великому сожалению, много ли среди нас, православных, найдется таких благоразумных родителей, которые бы смотрели так серьезно на дело домашнего воспитания своих детей? Большинство родителей дело воспитания детей всецело возлагают на школу и все первоначальные заботы о ребенке сводят только к тому, чтобы ребенок был сыт, одет, обут, здоров телом. А душа ребенка остается забытой, заброшенной.

Как мало найдется таких родителей, которые бы серьезно подумали о том, что

всякое их слово, всякое движение, всякий поступок быстро воспринимаются впечатлительной душой ребенка и оставляют здесь глубокий след на всю его последующую жизнь!

Много ли найдется в настоящее время среди православных таких семейств, где бы ребенку с младенчества говорили о Боге, о правде Божией, внушали бы ему правила веры и благочестия, говорили о заветах христианского служения ближним и самоотверженной любви? Укажите мне такую семью, где бы отец при свете лампы встал бы со своими детьми на утреннюю или вечернюю молитву, раскрыл бы святое Евангелие и поведал бы детям о великих и дивных делах Божия милосердия и любви к людям, рассказал бы о великих подвигах великих людей. Укажите мне такую мать-христианку, которая бы при первом ударе церковного колокола оставляла бы "житейское попечение" и вела бы детей своих в храм Божий как место отдохновения и отрады. Напротив, с великим прискорбием приходится отмечать тот печальный факт, что семейная жизнь даже для большинства православных не является в настоящее время училищем благочестия и нравственности и всем своим укладом прививает ребенку скорее отрицательные, чем положительные качества. Что на самом деле видит ребенок в своей семье, особенно в сельском быту? Родители поглощены всецело заботой о куске хлеба, в доме постоянная сутолока, вечные ссоры из-за пустяков. Ребенок видит, как иногда отец несправедливо и жестоко обращается с матерью, обижает престарелого больного отца или мать, слышит, как отец каждое слово свое подкрепляет крепкой бранью, на глазах ребенка предается пьянству, картежной игре. Ребенок всё это видит, учится, перенимает. Вот та атмосфера, которой дышит большинство детей в ваших семьях. Идет дальше ребенок на улицу. И там то же самое. Скабрешные песни, скверные анекдоты, отборная брань, картежная игра везде, где только можно, бесчинства, безобразия, всевозможные виды хулиганства, жестокость, разврат, – и улица продолжает отравлять ребенка своим тлетворным ядом.

А эти ночные гулянки иногда до рассвета! Сколько яда вольют они в душу ребенка. А родителям и дела до того нет, чтобы остановить ребенка, удержать его от пути гибели. Так вот какие школы проходит большинство наших детей. Можно ли удивляться теперь тому, что дети наши и грубы, и дерзки, и непочтительны к родителям, жестоки в обращении с другими и в пороках превосходят самых родителей. Говорят, что школа должна воспитывать, но всякое доброе влияние школы парализуется тем, что видят дети дома, на улице. А теперь хотят и из школы изгнать Закон Божий. Кто же скажет детям о Боге и правде Его, кто напомнит им о заветах любви? Одно умственное развитие не сделает человека нравственным. Если я буду иметь и все познания, но не буду иметь любви – я ничто. Все эти высокие лозунги: равенство, свобода и братство, не освещенные христианским сознанием, – пустые и красивые только слова. Мы видим сейчас, до какого дикого озверения, до какого взаимного самоистребления, братоубийственной войны могут дойти люди и под этими высокими знамёнами, если из сердца своего изгонят Бога, забудут Его заветы...»

После Октябрьского переворота и прихода к власти большевиков, отец Николай не изменил направления своей деятельности. Ревностный христианин, созидатель, государственный деятель, болюющийся о нуждах народа, он предполагал, что, пока существует общество, существует как институт государство, оно будет направлять если и не всю, то

хотя бы часть своей деятельности к созиданию. Трудно было понять и принять, что наступил новый период в существовании Российского государства, когда из бездны как будто был освобожден сатана, который стремительно, как бы боясь не успеть, приступил к разрушению. По-человечески трудно было принять, что созидательная деятельность бесповоротно прекращалась и началась эпоха уничтожения – и на долю христиан оставалось лишь исповедничество.

Отец Николай, кроме служения в храме, продолжал возглавлять местные кооперативные учреждения, кредитное товарищество, сельскохозяйственное товарищество, потребительские общества и местную чайную. По его инициативе образовался культурнопросветительский кружок из местной молодежи. У отца Николая появилась идея объединить все виды кооперации и кружков в одном помещении. Крестьяне его поддержали и согласились использовать для этой цели большой деревянный дом бывшей владелицы Жуковой, перенеся его к дому товарищества. Был уже заготовлен для строительства фундамента бут. В работе принимали участие жители двух деревень. Нужны были теперь лишь плотники, но наступивший голод и дороговизна плотницких работ остановили строительство.

В 1918 году советской властью была национализирована типография, в которой отец Николая печатал журнал «К Свету», а сам священник арестован и передан в распоряжение Губернской чека. В защиту священника выступили тогда жители тридцати трех деревень, которые входили в состав товарищества, и комитеты бедноты в лице волостного председателя комитета бедноты С. Сухарева и председателя местного комитета бедноты В. Аполлонова, которые ходатайствовали перед властями об освобождении священника. После пятнадцати дней, проведенных в тюрьме, отец Николай был освобожден.

В 1921 году агроном села Городня Романов донес властям, что отец Николай снабжает местное население семенами клевера и огородных культур, что тот делал как председатель сельскохозяйственного товарищества, и священник был вновь арестован. Во время нахождения отца Николая в заключении было опубликовано распоряжение ВЦИКа о том, чтобы имеющиеся в наличии кооперативы приняли меры по снабжению крестьян посевными и огородными семенами ввиду наступления голода, причем власти даже давали льготы выполнившим план, который отец Николай выполнил, но провел за это десять дней в заключении.

Свое правильно организованное хозяйство отец Николай вел с 1904 года, в 1905 году он завел сад на бросовой земле, вложив много сил на ее обработку. В 1921 году советские земельные органы подтвердили законность владения отца Николая землей, в 1923 году они подтвердили это вторично и, казалось, окончательно. Последние годы отец Николай много вкладывал сил в улучшение и обновление сада. Он работал, почти не обращая внимания на то, что власти требовали от него уплаты всё больших и больших налогов. И это при том, что приход его состоял всего из 180 домов и он не брал определенной платы за требы, а кто сколько даст, и не выказывал неудовольствия, когда и ничего не давали. В 1928 году в хозяйстве священника пали две лошади и пропал весь посев ржи, так что ему не удалось сжать ни единого снопа и пришлось весь год покупать хлеб, однако ему пришлось уплатить, как если бы урожай был собран, 248 рублей налога.

В начале июня 1929 года местные власти распорядились с целью расширения

местного совхоза «Власьево» и в соответствии с проектом землеустроителя изъять у отца Николая всю землю, которой он пользовался, надельную, землю, на которой рос сад, и даже приусадебную и снести все постройки, включая дом, где священник жил, к 1 октября 1929 года, а всю землю освободить в течение полутора лет. При этом отцу Николаю не отводилось взамен другого места, где он мог бы построиться. Сад был отдан на уничтожение и раскорчевку без права взять из него что-либо из садовых деревьев, несмотря на то что еще весной 1929 года отец Николай посадил в нем пять яблонь. Положение священника и его семьи становилось отчаянно безвыходным.

Отец Николай обжаловал этот проект местного землеустроителя в уездном землеустроении и обратился к прихожанам, чтобы они подтвердили, что он обрабатывал эту землю 35 лет, сам разводил сад, что с изъятием этой земли для него и его семьи создается невыносимо тяжелое положение, и поддержали его ходатайство об оставлении за ним части сада или хотя бы предоставлении земли в другом месте, где бы он смог себе выстроить дом. На состоявшихся в селе собраниях прихожане поддержали отца Николая и направили прошения властям об удовлетворении его просьбы. Несмотря на то что у священника уже не было ни земли, ни сада, власти потребовали от него уплатить за 1929 год налог в 444 рубля.

Осенью 1929 года в деревне Никифоровской, недалеко от Власьева, произошло зверское убийство. Едва достигшая восемнадцати лет комсомолка Мария Наумова после спектакля в клубе и состоявшихся по окончании представления танцев, придя домой, убила свою спящую золовку – мать малолетних детей, одного из них грудного, порезав ей горло и нанеся несколько смертельных ран. Отец Николай, беседуя с местными жителями, и в частности с членами местной комсомольской ячейки, сказал им, что ответственность за это преступление ложится и на местную ячейку молодежи, которая много внимания уделяет на устройство спектаклей, танцев и увеселений, вместо того чтобы уделять это время серьезной воспитательной работе, которая бы исключила возможность таких кошмарных фактов, как это зверское убийство. Через несколько дней после происшествия отец Николай, встретившись на мельнице с представителем местной комсомольской ячейки, сказал ему, что на ячейке лежит задача перевоспитания современной молодежи для предстоящего социалистического переустройства страны, подготовка кадров, соответствующих этой задаче. Работа ответственная, требующая внимания и напряжения сил. «Было время, – сказал отец Николай, – когда исполнение воспитательной задачи лежало на нас, но теперь мы сошли со сцены, эти обязанности перешли к вам, на вас устремлены взоры страны, поэтому нужно более строгое, внимательное отношение к себе, нужна серьезная работа над собой, надо больше внимания уделять книге. А между тем даже партийная литература молодежью не читается или мало читается, чему свидетельство лежащие неразрезанными в библиотеке книги. Нельзя сводить всю работу молодежной ячейки к устройству спектаклей, танцев и других увеселений. Нужно принять все меры, чтобы среди молодежи было меньше случаев пьянства, хулиганства, поножовщины и тому подобного, что подобными поступками молодежь кладет пятно на всю партию».

19 августа 1929 года власти арестовали отца Николая по обвинению в том, что он, используя свое положение священника, с церковного амвона вел агитацию, направленную во вред советской власти. Что, после того как у него была отобранана земля, он обратился в праздник Преображения к крестьянам с проповедью, где сказал,

что советская власть отбирает у него землю, и просил крестьян помочь ему оставить землю в его пользовании. Отец Николай был обвинен также в сотрудничестве с жандармским управлением в период революционных событий 1905 года.

В ответ на эти обвинения отец Николай написал следователям: «Я родился в деревне и детство свое провел среди простого народа. Испытав и нужду, и горе, я близко принимал к сердцу нужды и бедность народные. Еще на школьной скамье у меня созрело решение отдать все свои силы на служение темной, забитой, бесправной и бедной деревне. <...> Мне думалось, что нужно прежде всего внести лучи света и знания в темную деревню, нужно поднять ее экономическое положение, – и народ сам завоюет себе и права, и свободу. В этих видах я отказался от духовной академии, куда меня посылали как лучшего ученика, и решил идти в священники, и именно в деревню – и я пошел. Вся моя жизнь в деревне была посвящена осуществлению моей мечты – служению простому народу. <...>

Мне предъявляется обвинение в том, что я будто имел связи с царской охранкой, был ее агентом, служил у нее на службе, узнавал, где устраивались митинги, выслеживал ораторов и потом выдавал их правительству. Обвинение слишком для меня тяжелое, чудовищное и до глубины души меня возмущающее как несправедливое и совершенно не соответствующее действительности. Я решительно заявляю, что никогда я связей с царской охранкой не имел, в услужении у нее не был никогда и шпионажем никогда не занимался и не мог заниматься, так как это противоречило и моим убеждениям, и моей деятельности, и тем взаимоотношениям, которые у меня установились с самого начала моего служения в приходе вплоть до самой революции с гражданской властью и ее представителями. <...> Эти взаимоотношения совершенно исключали всякую возможность не только какой-либо связи с царской охранкой или службы в ней, но исключали даже возможность и самой мысли о том. <...>

На митинге в 1905 году я лишь был в селе Эммаусе и выступал на нем лишь с единственной целью – предотвратить возможность кровавой расправы полиции с беззащитным населением и избавить деревню от тех ужасных последствий, которые неизбежно бы обрушились на население в случае подобного столкновения. <...> Население понимало меня и выразило благодарность за то, что страсти тогда не разгорелись и митинг окончился сравнительно спокойно. <...>

Моя деятельность при царском правительстве посвящена была служению простому народу. <...> И после революции Октябрьской моя деятельность продолжала носить тот же характер служения народу...»

Но следователи не вняли объяснениям священника и продолжали возводить на него всё новые и новые обвинения. Возражая на них, отец Николай направил 9 сентября следователю ОГПУ Успенскому заявление, в котором написал: «Я убедительнейше прошу присоединить к моему делу настоящее мое заявление в качестве дополнительного показания к протоколу моего допроса от 4 сентября. При означенном допросе, между прочим, выплыл новый факт для моего обвинения – в том, что я 19 августа, в день Преображения, в церкви на проповеди говорил якобы что-то агитационное против советской власти. Подобное обвинение является совершенным вымыслом и злостной клеветой на меня. Проповедь я действительно говорил, но эта проповедь имела чисто церковный характер и касалась лишь событий

церковного праздника, и в ней не было произнесено ни одного слова, которое бы имело какое-либо отношение к власти и переживаемому моменту. Вот краткая схема этой проповеди. Текст: "да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный..." Передача самих событий праздника Преображения, восторг Петра – "сотворим zde три кущи". Основа этого восторга – вид преобразившегося Христа, а отсюда вера Петра в Него как Сына Божия, сознание близости ко Христу, общения с Ним, а отсюда и душевного восторга, радости. Такого общения со Христом, а отсюда и духовной радости не лишены и мы, верующие. Это общение со Христом происходит в молитве, в храме, в пении церковных песнопений, в чтении слова Божия, в таинствах Церкви. Свет Христов, свет Его святого учения, учения мира, любви и чистоты пусть будет нам путеводной звездой в нашей жизни и наполняет наши сердца душевным миром и радостью. Вот краткое содержание всей проповеди. Ни одного слова ни о власти, ни о переживаемом моменте. <...>

Теперь несколько слов о моих обращениях к прихожанам, о крестьянских приговорах и посылке уполномоченных в уездное земельное управление. <...> Несмотря на то что я таким постановлением об изъятии у меня земли и сада и даже усадьбы, а отсюда вынужденной и неожиданной ликвидацией всего моего хозяйства обречен был на полное разорение и нищету, так как с лишением земли лишался единственного и надежного источника для существования своего и своей семьи, я ни одним словом не обвинил ни власти, ни совхоз; я не набросил даже какой-либо тени на план советской власти в деле коллективизации и предстоящего социалистического переустройства страны. <...>

Мне предъявляется обвинение в противосоветской агитации, что я, опираясь на свое влияние среди населения, вел эту агитацию. Но где же я ее вел и где следы этой агитации? Ни в собраниях, ни в клубе, ни на сходах, ни на докладах я нигде не бывал, в разговоры и споры с представителями местной ячейки я никогда не вступал. В церкви, в своих проповедях? Но подобные обвинения не покоятся ли на таких же фактах, подобных факту 19 августа и не являются ли простым вымыслом и гнусной клеветой на меня? Где же, наконец, и в чем же выразились следы такой моей зловредной агитации среди местного населения, моего вредного влияния на народ в этом направлении? За 12 лет существования советской власти в районе моего прихода немало было случаев привлечения к ответственности отдельных лиц за воровство, грабежи, убийства, хулиганство, драки, но не было ни одного такого случая, когда бы кто-нибудь привлекался за контрреволюцию, за агитацию против советской власти или противодействие тем или иным ее мероприятиям в деле социалистического строительства. В чем же выразилось мое вредное влияние на население? А против хулиганства, пьянства, грабежа, воровства, легкой жизни за счет другого, за счет бедняка – я всегда был ревностным борцом и всегда наживал себе врагов за то. Поэтому я еще раз и решительно отвергаю обвинение в систематической агитации против советской власти... ни в церкви, ни где-либо в собраниях я не вел такой агитации...»

Во время нахождения отца Николая в тюрьме прихожане села Власьева и деревень Пасынкова, Никифоровской, Перемеров, Иенева и Кольцова выступили в защиту своего пастыря и написали заявление властям. «Священник Николай Васильевич Лебедев во время своего 35-летнего служения в нашем приходе проявлял

себя с хорошей стороны, – писали они. – Он никогда не был корыстолюбив. Никогда не назначал определенной платы за требы, а удовлетворялся тем, что дают ему, и не требовал от тех, кто не давал ничего. Всегда был добр и отзывчив к чужому горю. Во время своей 35-летней пастырской деятельности он проявил себя как общественный деятель; борясь с грубостью, хулиганством и пьянством, закрыл существовавшие у нас кабаки, открыл вместо них две школы, устраивал чайные с читальнями, литературными чтениями и туманными картинами. Открыл Общество трезвости, спасал людей от гибели и разврата. Те средства, которые получал от трезвенников, он не брал лично себе, а вкладывал их на другое полезное общественное дело – детский приют, основанный им на 40 человек беспризорных детей, детей алкоголиков и беднейшего населения. Кроме того, он пытался обратить на честную и трудолюбивую дорогу людей, сбившихся с пути и поддавшихся пьянству, привлекая их к трудовой и честной жизни, устраивал им разные мастерские: швейные, сапожные, корзиночные, где были руководители-специалисты. Кроме того, он организовал кредитное товарищество, обслуживающее 33 деревни, распространяющее семена, земледельческие орудия, плодовые деревья, привлекая население к ведению культурного хозяйства. Всю свою жизнь в нашем приходе он отдавал всего себя народу, борясь с грубостью, невежеством, темнотой, пьянством и хулиганством. Он не занимался какой-либо провокацией и пропагандой против советской власти, не выступал ни на каком собрании. Он никогда не был врагом народа, а был всегда другом его, полезным и ценным членом общества, а посему мы, прихожане села Власьева, ходатайствуем перед ОГПУ о его освобождении. Граждане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова».

Власти не вняли просьбе народа, и 3 ноября 1929 года священник был приговорен к трем годам заключения в концлагерь. Его отправили в Соловецкий лагерь особого назначения. В Соловецком концлагере он оказался в период эпидемии и переболел здесь дизентерией и тифом. 9 августа 1931 года отец Николай был выслан из Соловков в город Мезень Северного края на 49-й лесопильный завод. В его обязанности на заводе входило возить дрова для кочегарки.

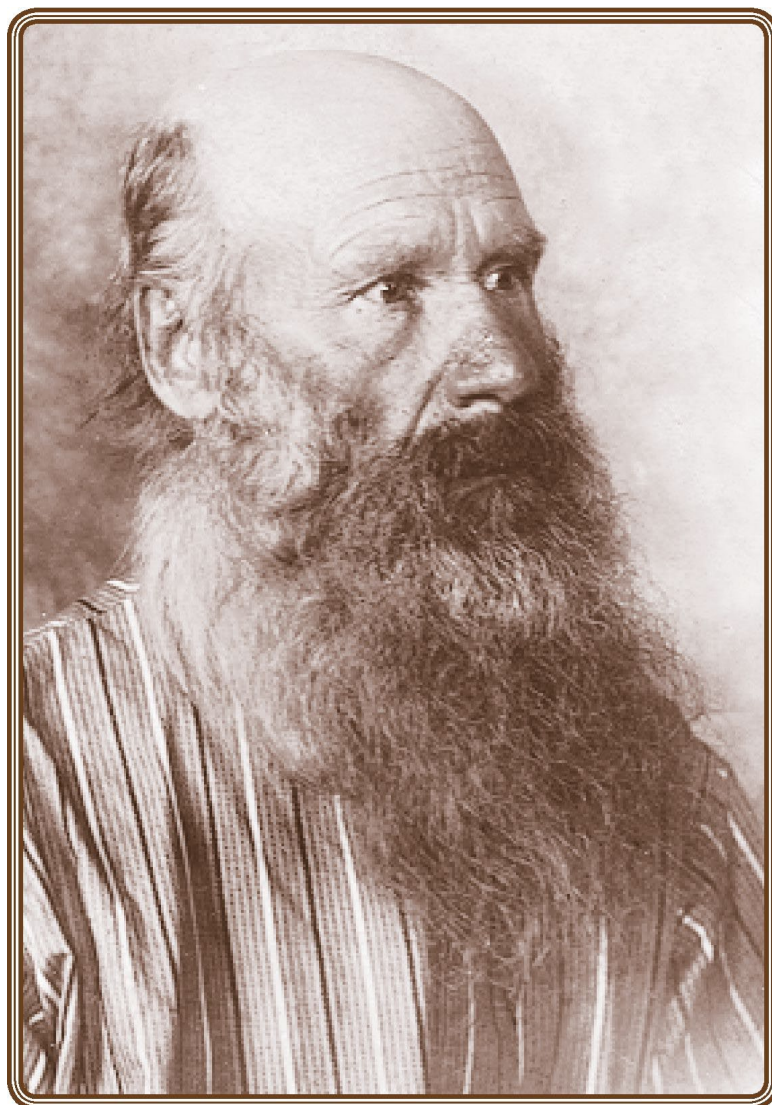
26 декабря 1931 года дочь священника Мария направила ходатайство в Политический Красный Крест Екатерине Пешковой, прося ее содействия в досрочном освобождении отца или по крайней мере о разрешении ему проститься с прикованной болезнью к постели умирающей супругой. Но вместо этого против него, в составе шестнадцати человек – священников и мирян, было начато новое дело.

В мае 1932 года следователь допросил отца Николая. Отвечая на вопрос следователя, священник сказал: «Газеты выписывали многие ссыльные и их читали, меня международные события интересовали, про остальных ссыльных сказать не могу. Священника Акинфиева я знаю, но тесной связи с ним не имел, а поэтому о нем сказать ничего не могу».

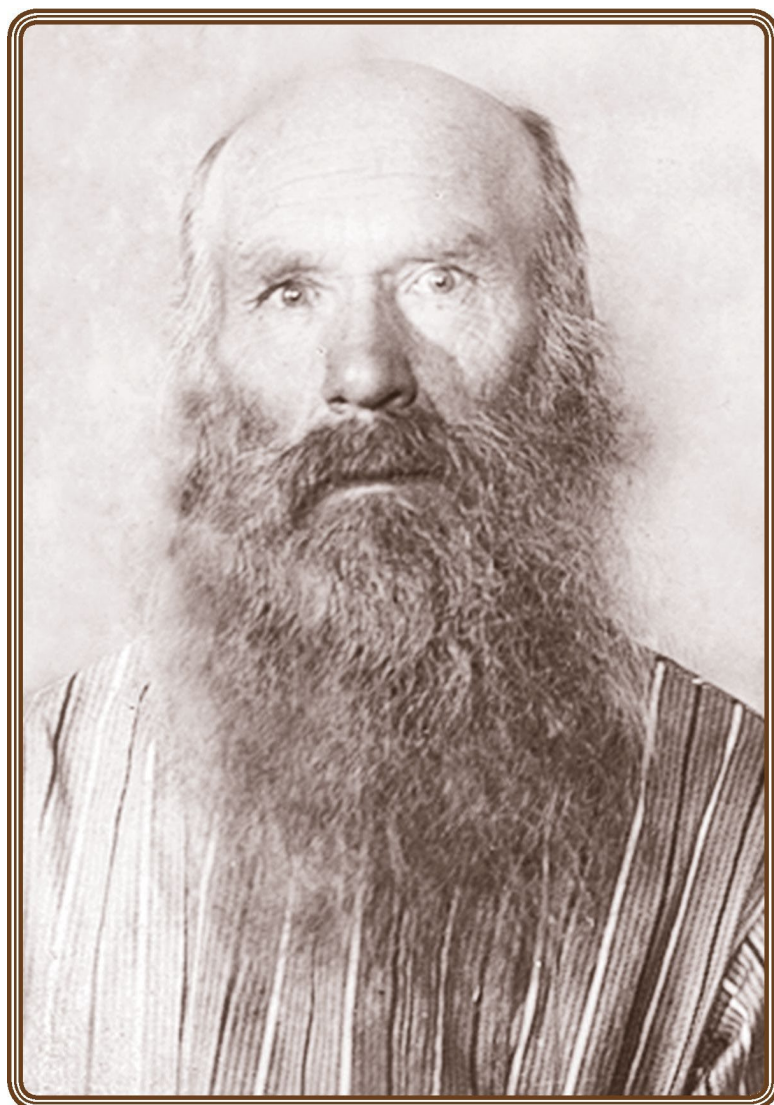
2 июня отец Николай был снова допрошен; отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Признаю, что я служил священником около тридцати шести лет. Воспитывался я также в семье с религиозными убеждениями, так как отец мой был пономарем. Женился я на дочери священника; вполне понятно, что мои убеждения складывались годами. В данный момент я считаю себя также глубоко убежденным в религиозно-нравственном учении и постараюсь эти убеждения сохранить до самой смерти. В том,

что я был до революции предан монархическому строю по своим убеждениям, не отрицаю, но с рядом ненормальностей в церковной жизни я был не согласен, но бороться с ними я был не в силах. <...> С первых дней революции, когда меня лишили избирательных прав, объявили врагом трудящихся, мне было тяжело.

Я был не согласен с выбранным лозунгом "долой религию" и что религия является опиумом для народа. <...> С административно-ссылными я жил в одном бараке, о них я ничего не знаю: хорошее или худое было отношение к советской власти, я не знаю. Виновным себя ни в чем не считаю».



Протоиерей Николай Лебедев. Тверская тюрьма. 1929 год



Протоиерей Николай Лебедев. Тверская тюрьма. 1929 год

22 июня 1932 года все обвиняемые были арестованы и заключены в Архангельскую тюрьму. 18 сентября было составлено обвинительное заключение. 23 сентября тройка при Полномочном представительстве ОГПУ Северного края заочно приговорила их к различным срокам заключения и ссылки. Протоиерей Николай Лебедев был приговорен к ссылке в Северный край на пять лет и отправлен в село Керчёмя Усть-Куломского района Зырянской автономной области. Поселился он в селе в доме Анны Владимировны Лютовой и Семена Васильевича Лодыгина. Дом состоял из двух комнат и был расположен далеко от дороги, в уединенном месте. Всё время жизни здесь отец Николай посвящал молитве или помогал по дому хозяевам. Их соседи часто просили, чтобы священник отслужил панихиду, в чем он никогда не отказывал. Отец Николай был общительным и приветливым и нередко подолгу беседовал с местными жителями, рассказывая о жизни в центральной России и сам расспрашивая о местных обычаях и укладе жизни. Со временем он стал для хозяев совершенно своим человеком, помогая им в работе и разделяя с ними трапезу. Его часто можно было видеть работающим во дворе или на огороде, одетым в крестьянскую одежду или в подрясник, а также идущим по улице в подряснике или мирно беседующим с местными жителями.



Село Керчёмья Коми области. Фото 1911 года

Дочь священника, Мария, возобновила хлопоты по освобождению отца, она добилась встречи с членом Верховного суда РСФСР Ароном Александровичем Сольцем и рассказала ему, кто был ее отец и сколь много он сделал для народа. На заявлении, поданном дочерью священника, Сольц написал, что считает нужным освободить отца Николая. Прощаясь с ним, Мария спросила: «Могу ли я узнать о результатах своего ходатайства и когда?» – «Ваш отец придет к вам, вы и узнаете», – ответил тот.

Время шло, а в положении священника в ссылке ничего не менялось. И Мария снова написала письму Сольцу, закончив его словами: «Буду верить, что вы при всей своей важной работе сдержите свое честное и стойкое слово коммуниста и я дождусь, что мой отец действительно придет ко мне».

Впоследствии отец Николай стал жить в доме, где жили священники Николай Флеров (с которым отец Николай учился на одном курсе в Тверской семинарии и с которым был дружен, так что они стали сообща вести свое небольшое хозяйство), Александр Державин и Василий Озерский из Ярославской епархии и мирянин Д. Телятников. Первым освободился отец Николай Флеров, и в доме остались священники Николай Лебедев, Василий Озерский, Александр Державин и Телятников. В это время положение и коренных жителей, а тем более ссыльных сильно ухудшилось, и в Керчёмье от недоедания и болезней стали во множестве умирать ссыльные. Положение ссыльных священников ухудшилось еще и потому, что им вовсе отказали в пайке, так что некоторым из них приходилось ходить по домам местных жителей и просить милостыню.

В июле, августе и сентябре 1933 года ссыльные умирали по 5-8 человек в день. В августе 1933 года скончался священник Александр Державин, а неделю спустя – священник Василий Озерский. В это время и здоровье отца Николая сильно пошатнулось, его стало беспокоить сердце и по временам он чувствовал себя совершенно больным. В поселке становилось всё меньше и продуктов, и денег. Отцу Николаю прислали перевод на 50 рублей, но денег ему не выдали, так как их не оказалось на почте.

Жил священник ловлей рыбы и тем, что собирал в лесу ягоды и грибы. Иногда,

уйдя на рыбную ловлю, он пропадал по два и три дня, приходил из леса продрогшим и промерзшим, а рыбы приносил на полкилограмма, много на полтора, только один раз ему удалось наловить рыбы на три килограмма. Телятников советовал ему бросить рыбную ловлю как занятие при его здоровье рискованное; отец Николай соглашался, но затем снова уходил в лес, где проводил по две-три ночи. Леса в округе были дремучие, почти непроходимые, и в них не редкость было столкнуться с бандитами. В июле, когда отец Николай пошел рыбачить, на него ночью напали бандиты, отобрали сети, сняли с него одежду и отобрали бы и сапоги, если бы он не был босым.



Село Керчёмья Коми области. Фото 1980-х годов

В конце августа отец Николай сказал Телятникову, что собирается пойти в местечко Перекоп, которое находилось в восемнадцати километрах от Керчёмья и где были бараки, которые тогда сторожили ссыльные. Телятников попытался отговорить священника, так как он был очень слаб, но отец Николай настоял на своем и, взяв с собой переметы, немного крупы, муки и котелок, в 7 часов утра 29 августа вышел из дома. К вечеру стал накрапывать дождь, который позже превратился в ливень.

Отец Николай к вечеру не вернулся, но Телятников подумал, что, вероятно, священник ушел в бараки к ссыльным, и потому не беспокоился. 31 августа пришли из леса женщины и сообщили, что нашли в четырех километрах от поселка умершего ссыльного. Комендант распорядился, чтобы санитары, взяв носилки, принесли тело почившего в поселок. Это был отец Николай. Обычно все ссыльные погребались без отпевания, но Телятников попросил нескольких священников совершить отпевание отца Николая на той квартире, в которой он жил. 1 сентября священник Николай Лебедев был погребен на местном кладбище в селе Керчёмья, этим числом и был зарегистрирован день его смерти. 7 сентября 1933 года из районного отдела ОГПУ пришло распоряжение о его освобождении.

После кончины отца Николая остались некоторые вещи, которые поступили в распоряжение коменданта и были проданы в покрытие расходов на погребение. Денег после кончины священника не осталось, а неполученный им перевод в 50 рублей вернулся обратно. На получение посылок, которые ему приходили, он дал

доверенность Телятникову. Доверенность была заверена комендантом и инспектором милиции. Еще при жизни отец Николай распорядился, чтобы все посылки, которые поступят после его кончины, были розданы беднейшим ссыльным. Согласно его распоряжению, все полученные после его кончины посылки были розданы в присутствии коменданта самым бедным из ссыльных, а все лекарства отданы на фельдшерский пункт.



Священноисповедник Николай Лебедев. Икона

Память священноисповедника Николая (Лебедева) совершается 19 августа (1 сентября).

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Лебедев Николай, протоиерей, священноисповедник Отвращайтесь злу, прилепляйтесь к добру... / Автор жития архим. Дамаскин (Орловский); [ред.-сост. прот. Максим Максимов]. – М. : Изд-во Московской Патриархии РПЦ. 2023. – 704 с. – (Церковность: книга 26).

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5». Тверь. 2001. С. 169-208

* Правила Власьевского Казанского общества трезвости в селе Власьево Тверской губернии и уезда
Пробудитесь, пьяницы, и плачьте, и рыдайте все пьющие вино.
Иоил. 1: 5
Многих погубило вино.
Сир. 31: 29
И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство.
Еф. 5: 18
Пьяницы... Царствия Божия не наследуют.
1 Кор. 6: 10

§ 1. Общество трезвости открыто 22 октября 1897 года во имя Казанской иконы Божией Матери и утверждено г. министром внутренних дел 28 января 1899 года.

§ 2. Цель Общества заключается в противодействии злоупотреблению спиртными напитками, употреблению бранных слов, в уменьшении разгула, в привлечении народа к более усердному и частому посещению богослужения, в заботе об украшении местного храма, в развитии и укреплении среди местного населения вообще христианских добродетелей. Общество поставляет также своей целью заботы о поднятии благосостояния местного населения.

§ 3. Общество находится под наблюдением и руководством местного священника.

§ 4. В качестве членом в Общество могут вступать все лица православного исповедания, достигшие совершеннолетия, как мужчины, так и женщины без ограничения их места жительства.

§ 5. Принимаются в Общество лица, совсем не пьющие вино, чтобы они служили образцом и примером для людей слабых и невоздержных.

§ 6. Вступающий в Общество должен смотреть на свое обещание как на обет святой, угодный Богу, помня слова апостола: *как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиروваниям и пьянству* (Рим. 13: 13).

§ 7. Прием членом может быть только в местном храме и происходить по следующему установленному порядку.

§ 8. Вначале служится молебен Казанской иконе Божией Матери с водосвятием, в силу заповеди Спасителя: *без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 5) и *о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам* (Ин. 16: 23). Вступающий стоит с возженной свечой и в присутствии священника, перед святым крестом и Евангелием дает такой обет: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Господи, благослови, Господи, помози мне.

Я раб Твой, Господи, (имя) даю обет пред святою иконою Твоею с Твоею помощью в течение года не пить ни пива, ни вина для спасения своей души и для благого примера на других в этом же отношении, твердо сознавая, что за нарушение этого обещания буду достоин горького осуждения и наказания от руки Господней; в удостоверение сего обета целую святое Евангелие и животворящий Крест Христов. Господи, помоги мне силою Креста Своего! Пресвятая Владычица, Архангелы и Ангелы и вси святии, помолитесь о мне грешном. Аминь». После чего вступающий делает земной поклон, окропляется святой водой и благословляется Казанской иконой Божией Матери.

§ 9. Каждый трезвенник получает святую икону Казанской Божией Матери, святое Евангелие, книжки о пьянстве, экземпляр устава Общества, правила и особый билет, удостоверяющий принадлежность его к составу Общества.

§ 10. Каждый трезвенник при вступлении своем вписывает свое имя в особый свиток, который полагается за киот местной иконы Спасителя в знак твердости его обещания.

§ 11. Имена всех членом Общества записываются в особую книгу и поминаются о здравии на проскомидии и ектении в воскресные дни во всё время состояния их членами.

§ 12. Трезвеннику предоставляется право вписать в церковном синодике два имени своих умерших родственников, поминовение совершается во всё время состояния его членом.

§ 13. В случае смерти трезвенник поминается об упокоении в течение 40 дней.

§ 14. При общем собрании членов, два раза в году совершаются Божественные литургии об упокоении умерших родственников, членов Общества и большие панихиды, о чем члены извещаются каждый раз особо.

§ 15. Для поддержания и укрепления духа трезвенников 12 раз в году будут служить молебны Иисусу Христу и Божией Матери с акафистами и пением молитв: «О, Пресладкий и Всещедрый Иисусе» и «О, Всепетая Мати».

§ 16. Запрещается пить всё, что хмельно: водку, всякого рода вина, пиво, брагу.

§ 17. Обет дается на срок одного года, но срок этот может быть уменьшен по желанию члена до трех месяцев; для членов же, уже окрепших, срок может быть увеличен до трех лет.

§ 18. По истечении означенного срока, член сам собой выбывает из Общества, если не возобновит своего вступления по установленной форме.

§ 19. Каждый член Общества во всё продолжение своего обета обязывается хранить безусловную трезвость, не нарушая его никакими предложениями вроде изнеможения, усталости и проч.

§ 20. Всем членам вменяется в обязанность по возможности прекратить курение табака, употребление бранных слов, помня, что за всякое слово праздное, а тем более гнилое, придется дать строгий ответ на Страшном суде Христовом; прекратить игру в карты и другие азартные игры, посещение питейных заведений и пьяных компаний во избежание соблазна.

§ 21. Все члены обязываются по возможности в воскресные и праздничные дни ходить в храм Божий. Редко бывающий в храме по троекратному вразумлению священника исключается из Общества.

§ 22. Всем членам поставляется в обязанность ежегодно исповедоваться и причащаться Святых Таин. Члены, не бывшие у исповеди и Святых Таин причастия в местном храме Казанской иконы Божией Матери, должны представлять свидетельства о бытии на исповеди. Небывшие совсем у исповеди и Святых Таин причастия нетерпимы в Обществе.

§ 23. Трезвенникам рекомендуется посещать внебогослужебные беседы и чтения для народа, принимая в них деятельное участие под руководством и по указанию священника.

§ 24. Каждый член Общества во все семейные свои торжества, как то: именины, крестины, особенно похороны и дни поминовения своих умерших родственников, а также на праздники и в самые праздники Рождества Христова, Святой Пасхи, храмовые и пр. и на сырной неделе (которая не есть праздник), не только сам должен проводить время трезвенно, но и других удерживать от пьянства и разгула, по заповеди Спасителя: *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно* (Лк. 21: 34).

§ 25. Как можно чаще думай и припоминай вред и пагубность пьянства; видишь крест на церкви, думай так: «Господи, Ты распялся за нас на этом кресте, за наши грехи пострадал – как оскорблю Тебя грешным пьянством? – плакать надо, а не пьянствовать». Видишь землю, думай: «И я в нее когда-нибудь пойду, помру, и меня будут судить за грехи мои, а за пьянство горше осудят». Скотину ли видишь, думай: «И человека пьянство делает подобным скоту бессмысленному». Утром, встав от сна, и вечером, отходя ко сну, вспоминай о своем обещании.

§ 26. Святая икона дана тебе в благословление, имей ее всегда на виду, чтобы она напоминала тебе о данном тобой в Ее храме обещании: моли Царицу Небесную о помощи.

§ 27. Святое Евангелие дано тебе для того, чтобы ты мог читать слово Божие и поучаться, как должно жить христианину и что есть воля Божия, святая и богоугодная. § 28. Никогда не забывай, что ты дал обет Богу, и, если долг всякого честного человека, давшего даже простое обещание своему ближнему, – исполнять его, тем более долг всякого истинного верующего христианина, давшего свой обет перед Богом и подтвердившего его целованием святого Креста и Евангелия, строго исполнять его.

§ 29. Не забывай, что в случае нарушения тобой обета тяжелый грех ляжет на твою душу. Твердо

помни, что от людей грех можно утаить, но что лучше и строже людей наблюдает за нами совесть, которая страшно мучает нас за грехи, и в тайне содеянные. Самое же строгое наблюдение за нами принадлежит Всеведущему Богу, от Которого ничего не скроешь, ничего не утаишь и за тайные грехи большее осуждение получишь.

§ 30. Когда найдет на тебя помысл и желание пьянства, в молитве и чтении слова Божия ищи себе сил и поддержки для успешной борьбы со своей слабостью.

§ 31. Если чувствуешь в себе мало силы в борьбе с пьянством, до поры до времени скрывайся от водки, чтобы не соблазниться; если же чувствуешь в себе силу, иди туда, где можешь видеть водку, с доброй целью спасти от нее погибающего брата.

§ 32. Все трезвенники, более сильные в воле, обязаны, по слову апостола, *сносить немощи бессильных и не себе угождать* (Рим. 15: 1) и помогать слабым членам своими советами, внушениями и одобрениями, чтобы последние твердо держались данного обета.

§ 33. Все члены обязываются распространять между другими задачи и стремления Общества, содействуя и привлекая ко вступлению в Общество новых членов, действуя на них примером своего поведения, словом и убеждениями, твердо помня обещание Спасителя, что кто сам исполнит заповедь и другого научит, *тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5: 19). Посему родным и знакомым своим, которые склонны к разгульной жизни и пьянству, ленивы посещать храм Божий, склонны к сквернословию, к картежной игре и к проведению времени в трактирах, советуй, чтобы они оставили такой образ жизни как непристойный христианину. Несовершеннолетних учи, чтобы они не брали худые примеры с отцов своих и не курили табак. Внушай родителям и всем старшим, чтобы они не посылали малолетних за вином в питейные заведения и тем предохраняли их от соблазна и развития в них пороков. *Горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18: 7).

§ 34. Трезвенники должны наблюдать друг за другом и в случае нарушения кем-нибудь из членов обета немедленно доносить председателю Общества.

§ 35. Трезвенник, нарушивший обет в первый раз, вразумляется духовным отцом наедине и оставляется в Обществе, если окажется раскаяние. О вторичном нарушении сообщается общему собранию членов и с нарушившим поступают согласно общему решению. При нарушении обета в третий раз член исключается из Общества.

§ 36. Если поведение какого-либо члена окажется не соответствующим целям оно, то правление Общества обязано озаботиться принятием увещательных мер к склонению такого лица в точности исполнять принятые им на себя обязанности; если же все старания в этом направлении окажутся безуспешными, то правление исключает такое лицо из состава Общества, немедленно сообщая ему о том.

§ 37. На постановление правления по означенному в предыдущем § 36 предмету исключенный член может принести жалобу в месячный срок для представления общему собранию членов.

§ 38. Общество, для проведения в народ большей нравственности и отвлечения народа от разгула и пьянства и посещения питейных заведений, а также для усиления средств Общества, имеет устраивать народные чтения, собеседования и духовные концерты с надлежащего разрешения, с соблюдением существующих узаконений и распоряжений правительства.

§ 39. Обществом устраивается склад книг и картин духовно-нравственного содержания, а также икон для распространения их среди местного населения.

§ 40. Трезвенникам вменяется в обязанность вносить установленный уставом членский взнос, а также и другие взносы, определяемые общим собранием членов.

§ 41. Трезвенникам вменяется в обязанность посещение общих и частных собраний членов Общества.

§ 42. Постановление общих собраний имеет обязательную силу для каждого члена.

§ 43. Всем членам вменяется в обязанность знание правил Общества.

§ 44. Членам ставится в обязанность безусловное подчинение уставу и правилам Общества.

(Правила напечатаны: К Свету. 1910. № 40-41. С. 21-26; Тверские епархиальные ведомости. 1907. № 18. Часть офиц. С. 446-454.)